

A sepia-toned photograph of a wolf howling at a large, full moon. The wolf is in the foreground, its head tilted back and mouth open. The moon is a large, bright, textured sphere in the background, dominating the upper half of the frame. The overall mood is mysterious and powerful.

Василий Попов

ВЛАСТЬ АНОМАЛИИ

16+

Василий Попов

Власть аномалии

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Попов В. Л.

Власть аномалии / В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-9-94-938482-2

В районе заповедника, в котором происходят необъяснимые явления, появляется белый волк. Это событие дает толчок к раскрытию забытого всеми убийства и серии преступлений в настоящем. Без участия полиции! Мистика? Возвращение на круги своя?

ISBN 978-9-94-938482-2

© Попов В. Л., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Власть аномалии.

Заснеженные мохнатые лапы еловых деревьев. Бледный лунный свет. Темный силуэт с двумя светящимися точками в голубой оболочке глаз. Волк. Интересный экземпляр, созданный затворницей-природой, который мог бы стать темой исследовательской работы ученых. Альбинос, превосходящий по размерам известные виды волков. Огромная голова и пасть. Клыки, схожие с армейскими саблями, острыми и режущими плоть, ломающими кости врагов.

Родился зверь за сотни километров от этого места. Один выжил из всего выводка. Мать, породившая его, также умерла. Возможно, погиб бы и он от холода и голода. Если бы не волчья стая, кочевавшая поблизости от норы, ставшей для него фактически склепом. Кормящая волчица. Именно она обнаружила полумертвого волчонка в куче остывших тел. Вырвала щенка из объятий матери, которая до последней секунды жизни пыталась передать тепло малышу. Тем самым вырвав и из объятий смерти. Потащила найденныша под кучу сухих веток и плотный покров снега. Там жались друг к другу, греясь, три ее голодных щенка. Неспособная дать молока, голодная, она оставила их, когда с охоты вернулся ее самец, вкусно пахнущий мясом. Она, набив желудок и не обращая внимания на грызню возле останков туши лося, побежала обратно. Свернула с протоптанной тропы и, мягко прыгая по снегу, оббегая овраг с неудобной стороны, наткнулось на него.

Волчица отогрела озябший комок шерсти. Он проявил активность в борьбе за источник пищи и, насытившись, уснул. Вернувшийся с позднего пира отец семейства, почуяв запах, попытался выдернуть из массы волчат чужака. За что был наказан волчицей. Результат – разорванное ухо. Самец скуля, отступил. Затаив злобу, он искал момент – свести счеты с виновником его опалы. Но волчица всегда была начеку, оставалось ждать.

Малыши росли на глазах. Чужак, несмотря на первоначальную слабость, с ростом становился крупнее и сильнее. Приемныш был невероятно ловок, бесстрашен и дерзок. Бросался на взрослых самцов. А получая увесистую «оплеуху», зарвавшийся юнец не убегал – пытался атаковать вновь и вновь. Волки в недоумении отходили сами, видя в несхожем со всеми даже цветом шерсти подростке чрезмерную напористость. Он утомлял всех – от братьев до старейших волков стаи, и лишь приемная мать справлялась с ним: оттаскивала его в сторону, избегая накала страстей. Непримируемый бунтарь слушался только ее.

Волчица проявляла материнскую заботу и любовь к приемнышу, как и к своим волчатам. Однажды ее самец схватил чужака клыками, желая утолить месть. Но его шея оказалась зажата в плотных тисках, несущих невыносимую боль. Он невольно разжал челюсти, но дернуться уже не смог.

Детоубийца слышал рык, чувствовал боль, пелена крови плыла перед глазами, лапы ослабли. Вот кто-то рванул заднюю лапу, захрустела с новой вспышкой боли передняя. Он уже не ощущал, как его тело разрывали. Волк не знал, кто, и не понимал, за что. Его кровь по странному стечению обстоятельств текла на теплящееся жизнью тельце его жертвы. Заботливая мать вырвала из-под кровавого месива малыша и, унеся в сторону, принялась зализывать рану приходящего в чувство волчонка. Она слизывала кровь с тела приемного сына, кровь того, кто не захотел стать приемным отцом, решив стать убийцей. Уже через день волчонок бежал, быстро вбирая в себя жесткие законы волчьей стаи.

Он первый из семьи пошел на охоту. Она отпустила его и была вознаграждена: подросток притащил большой кусок мяса кабана. Не в каждом обществе люди проявляют такую заботу, как здесь – дикий зверь. Спустя время он стал лучшим охотником стаи. Он был прыгуч, стремителен и обладал мертвой хваткой. Потенциальные жертвы, попавшие в поле зрения стаи, были обречены. Он совершенствовался с каждой охотой, и порой его поступки были непредсказуемы, даже с точки зрения волчьего чутья. Он мог за какое-то время до охоты пропасть, а появившись, привести стаю в место, где волки терпеливо ждали и в итоге дожидались свою жертву.

Его боялись. Еще нестарый вожак поглядывал на него с опаской и даже, возможно, жалел, что принял тогда такое решение: это его челюсть сжала горло детоубийцы. У альбиноса вскоре появилась вторая половина и принесла ему прелестных волчат. Хотя молодой и сильный волк не претендовал на положение лидера стаи, на самом деле таковым являлся. Да и вожак стал допускать ошибки, чем были недовольны волки. Стая раскалывалась на две части. Двоевластие невозможно в подобном сообществе, но наш герой неожиданным образом прервал раскол. Во время одной развязавшейся в стае драки он развернулся и ушел, не оглядываясь. Его догнала самка – его молодая волчица. Их дети спали в логове, где вырос он сам. Волк повернулся и посмотрел ей в глаза. Это длилось с минуту. Она поняла, что он уйдет и уйдет один. Волчица вернулась к волчатам, став навсегда одинокой матерью. Так разрешилась междоусобица. Стая осталась целой, лишившись потенциального вожака.

Тяжело добывать пищу в одиночку. Голод заставил справляться со зверями средних размеров – одному хватало. Но приходилось остерегаться других стай волков и крупных зверей. Однажды два медведя напали на него, выгоняя со своей территории. Охотясь на среднего лося, уже на излете волк ощутил удар сбоку – это были рога взрослого самца. Почувствовав невыносимую боль, он отлетел в кусты. Лоси поспешили убраться. А он, выйдя на стаю волков, сцепился с одним из них, чудом победил и ушел от преследователей.

Больше двух лет он был один. За это время превратился в огромного белого самца. Стал нападать на тех, кого ранее остерегался. Становился все сильнее и сильнее. Более уверенный в себе, в своих мощных лапах и острых клыках. Это и сыграло с ним злую шутку.

Осенью он столкнулся со взрослым медведем. Зверь не ожидал, что волк не побежит – ведь он не в стае. А значит, слабый волк. Медведь опешил и бросился в драку. Волк невероятно ловко поднырнул под него, уйдя в сторону, схватил бурого за толстую шкуру и, рванув челюстями, вырвал кусок шерсти и плоти. Медведь, рассвирепев от боли и ярости, вновь бросился на оппонента. Волк повторил маневр, вырывая куски из тела врага. Рев негодования вырвался из глотки обезумевшего от боли зверя. Волк наслаждался битвой. И из-за своей безнаказанности ему показалось, что победа в двух шагах, точнее, выпадах. Медведь вновь шел в атаку, и волк прицелился на висящие бахромой на боку бурого шерсть с мясом. Но раненый зверь в прыжке занес навстречу переднюю лапу так, что маневр волка был обречен на провал. Мощный удар сбил на лету волка и отправил его в ствол ближайшего дерева. Медведь всей массой вжал волка в землю, сдирая шкуру когтями с шеи соперника. Сквозь боль альбинос не слышал оглушительного грохота. Не слышал и ужасный рев поверженного выстрелами умирающего медведя. Раны были смертельными – пули пробили сердце и легкие.

Затем волк, то приходя в сознание, то теряя его, тряся, лежа на соломенной подстилке в кузове джипа. В болезненных видениях вернулся в родную стаю, где встретили агрессивно – набросились как на злейшего врага, раздирая на части. И он ощущал эту боль. От тряски голова постепенно сползла на мертвую тушу – тело недавнего противника по схватке. В очередной раз он был рядом со своим несостоявшимся убийцей.

Когда большой с пропахшей черносливом бородой охотник нес его, волк тоже ощущал боль.

Видя при этом, как его приемная мать слизывает кровь с раны. Это был момент обработки повреждения заботливыми руками. И холод, пронизывающий холод, заставляющий коченеть все тело. Морда медведя и вороватый взгляд им так и не признанного отчима. Вскоре видения прекратились – он провалился в канаву с темной, но теплой водой. Противный едкий запах и забытие.

Запах исходил от лекарства. Приходил в себя волк несколько раз: в первый едва смог открыть глаза и сделать неудачную попытку встать. Он лишь смог разглядеть огонь, полыхающий в пещере, желтый свет тускло светящей луны и трех невиданных зверей, суесящихся

в углу пещеры. Он принял конкретное решение – драться с незнакомцами, хотя при этом не чувствовал лап.

Второй раз придя в себя, преодолевая боль в голове и шее, он смог приподняться на передние лапы, но тут же рухнул. В пасти – ощущение съеденного кома земли. Он помнил это из детства: во время возни с братьями часто ощущал подобное. Сейчас точно так же хотелось пить. Вдруг подошел большой зверь и начал поить его травянистой водой. Эту траву с оранжевыми цветами он отчетливо помнил. Волк не мог сопротивляться, да и утолить жажду было необходимо. Напившись, осмотрел незнакомое место.

Луна висела на том же месте. Пламени нет в пещере, но там что-то тлеет.

Он видел пожары и знал, как пахнут сгоревшие стволы деревьев, пыль от которых разносит по лесу ветер, забивая нос и горло. Большой зверь уселся, как медведь, напротив него. Рядом – детеныш в такой же позе, размахивающий лапками, бормочущий на своем языке. Неожиданно раздался скрип – так скрипят на ветру деревья в лесу. Из темноты появился еще один зверь. Он, подойдя к детенышу, потрепал того за голову. А вместе с появившимся зверем донесся запах, едкий и знакомый волку.

Воспоминание пришло из прошлого и насторожило. Когда он был щенком-переростком, стая делала большой переход во мраке ночи. Один из замыкающих волков попал подо что-то страшное, что убило его. Это что-то, рыча и сверкая, умчалось дальше, а волк остался лежать на обочине, истекая кровью. Пах он точно так же. Значит, это запах смерти. Разволновавшись, он привлек к себе внимание. Троица подошла к нему.

–Ему лучше? – это средний.

–Да! Но не настолько, чтобы бегать по лесам, – большой.

–Бегать по лесам? Деда, можно я его потлогаю? – раздался писклявый голос детеныша.

–Хм-хм... Не знаю, попробуй, но будь осторожен – он лютый!

–Люти? Люти!

И детеныш, подбежав к волку, схватил того за нос. Было больно, но волк не обращал внимания – пристально следил за средним, что принес запах смерти.

–Люти! Люти! – Малыш уже бесцеремонно пихал указательный палец в одну из ноздрей волчьего носа.

Волк не выдержал и чихнул. Малыш от неожиданности шлепнулся на пол. Сначала пристально и испуганно смотрел на волка, а затем стал издавать непонятные звуки. Смех как проявление чувств был для волка незнаком и непонятен. А детеныш, насмеявшись, заверещал:

–Люти апчхи! Люти апчхи...

Раз уж судьба дала ему имя вместе с выздоровлением, тогда отойдем от безымянности. Да и волк волку рознь, в чем мы сможем убедиться. Люти, в свою очередь, сунул свой атакованный нос в передние лапы и забылся, провалившись в сон, чем удивил малыша.

Прошло время и, слыша "Люти", он понимал, что речь идет о нем. Большой и еще один незнакомец со множеством запахов, таящихся в небольшом куске дерева, не считаясь с его рыками, ковырялись в шее, доставляя боль. Когда волк окреп и не подпускал к себе, один из них накидывал на морду «ветку», сжимавшую звериную пасть. Другой стягивал лапы и валил на пол, затем волк проваливался в темноту. Приходил в себя он от едких запахов. Двунogie не беспокоили его какое-то время, только кормили и поили. Кормил «большой зверь» – приносил мясо, которое даже не требовалось пережевывать.

Волку нравилось возиться с малышом. Это напоминало детство. Детеныш садился перед зверем, расставив ноги по сторонам, дергал его за лапы, за уши, доставляя дискомфорт в месте заживающей раны. Но волк не подавал вида, что испытывает боль.

А малыш и не ждал этого. Он ритуально заканчивал веселую экзекуцию аттракционом, который он называл "апчхи!" Он делал это профессионально, даже с учетом и знанием того, что он будет отруган Большим. Малыш ловил момент, когда Большой был занят, и пихал палец

в нос волка. Тот, не желая показывать слабость и привлекать внимание Большого, сдерживался, как мог. Но малыш работал на результат. И добившись эффекта, заваливался на спину и вопил:

–Деда! Люти апчхи! Люти апчхи!

Единственный, кого волк не переносил на дух, – Средний. Которого называли "мама". Женская особь. В один из дней волк понял это. Она пыталась задобрить волка вкусными кусками мяса, но он не терял бдительности, держа ее на дистанции, не обращая внимания на подкупное "Люти", произносимое ласковым тоном.

Волк с каждым днем чувствовал себя лучше и лучше. Потягивался и вставал, пока хозяев не было. Он ходил по территории, обнюхивая все. Свое выздоровление показывал поэтапно.

Но вдруг случилось то, что полностью изменило его отношение к этому месту и его обитателям. Большой пришел с невыносимым запахом смерти. Вскочив на лапы и оскалив клыки, волк был готов броситься на своего спасителя. Ставший в одну секунду "оборотнем" для волка, Большой ушел. Вернулся с палкой. Хлопок. Волк, ощутив толчок, попытался содрать со спины мешающий предмет. Но тяжесть свалила его.

Очнувшись, волк смог подняться, но врагов вокруг не оказалось. Он находился в другом месте, запахи, звуки подтверждали это. Луна светила издалека. Запах исходил от животных. Он знал это точно: так пахли убегающие жертвы во время охоты. Так пахнет страх. Раздался шорох сзади, и волк отпрыгнул в сторону и, наткнувшись на преграду, упал в сухую траву. Поднявшись, обнаружил, что территория огорожена. Внутри есть вода и мясо.

Его активность вызвала резонанс – какофонию звуков, разнообразных и разноголосых. Фырканье, скуление. На своей звериной частоте он распознал – вся находящаяся здесь масса панически боится его. Это успокоило, и звери больше не интересовали волка. Он лег и стал ждать, он умел делать это. Опыт ожиданий в засадах во время охоты.

Ждать пришлось недолго – появился Большой. Он вошел вместе с запахами, которые взволновали животных вокруг. Раздалось чавканье.

Услышав "Люти", волк не отреагировал, стоял в угрожающей стойке, глядя на Большого исподлобья. Подойдя к "его" территории, не обращая внимания на волчий рык, тот заменил мясо, и воду, разбудив в звере дикий аппетит. Но волк не притронулся ни к еде, ни к питью. Смены пищи продолжались несколько раз, а луна так и не скрылась, светя вдалеке. Иногда он проваливался в чуткий сон, реагируя не на шорохи привыкших к нему зверей, а на появление вероломного спасителя и уже врага.

Вскоре на него вновь набросили "ветки", сковывающие движения. Свалили на пол, и носитель едких запахов принялся ковыряться в волчьей шее. Он закончил, унося с собой вонючую тряпку. Волк почувствовал себя легко, несмотря на трудности поворота головы.

"А этот едкий не продал меня и звереныш тоже..."

Но малыш не появлялся, приходил Большой менять пищу ему и "постоянно жующим". Иногда Большой прицеплял к некоторым соседям гудящие штуки. Волк опасался, что он захочет это сделать и с ним.

Зверь ощущал безмерную тоску. Его тело требовало воли, свежего мяса, свежего воздуха. Вода уже пахла меньше смертью, и, не в силах бороться с жаждой, он попробовал ее и вылакал полностью. Но голод, голод валил с ног с беспощадной силой. Ему казалось, что мясо уже не пахнет смертью. Лютый ложился, отворачивался от мяса, пряча нос в шерсти, чтобы не чувствовать запаха пищи. Волк знал: вскоре он подойдет и съест смертоносное мясо и заснет вечным сном.

Но ему повезло: однажды во время голодного обморока он услышал: «Люти! Люти!»

Малыш подбежал к его территории. Волк на ослабших лапах подошел к сетке, где стоял детеныш. Рядом взрослый зверь. Волк смотрел и слушал, напрягая все органы, пытаясь по интонациям и жестам понять, что хотят "звери". Большой забрал несущее смерть мясо, вошла

Мама. Малыш подошел к ней и принес кусок восхитительно пахнущего мяса, кинув его к лапам Лютого.

–Люти, ешь! Надо есть, чтобы ласти, надо есть, Люти... Кушай, Люти!

Взрослые особи стояли и смотрели на волка – тот с осторожностью понюхал лежащий перед ним кусок. Мозг волка помутнел. Голод дал толчок к поглощению пищи.

Это привело в восторг малыша. Раздались вздохи взрослых.

"Где был малыш? От него одного не пахнет смертью..."

Он не мог предать его – еще мал и не играет во взрослые игры. Малыш кинул еще кусок мяса. Волк с появившимся чувством достоинства съел и его. Следующий кусок малыш положил между прутьев ограды. Лютый понял игру. Он пошел на это, видя – остальные стоят в стороне. Аккуратно извлек мясо и, съев, положил морду между прутьев. Взглянул на малыша благодарно и преданно. Малыш, подойдя, потаскал волка за нос. Лютый облизнулся, зная, что сейчас произойдет. Его "мучитель" не заставил себя ждать и сунул палец в теплый нос волка. Тот, не вытерпев, чихнул. Чем привел малыша в безудержный восторг.

–Люти апчхи! Люти апчхи!

Оживились взрослые особи – загоготали, как плавающие птицы.

Малыш ушел, оставив волка с раздраженным носом, тарелкой мяса и свежей водой. Волк был сыт.

Но тоска по лесу, дыханию ветра и шелесту листвы не давала покоя. Он завыл ночью и позже, под самое утро, вкладывая в вой всю безграничную тоску и наводя ужас на окружающих зверей. Животные хрипели, фыркали, и даже когда он прекращал свое дикое соло, ужас не покидал их. Одно только его присутствие держало их в страхе.

Утро, мороз. Большой белый волк вместе с клеткой в кузове грузовика.

Предстоящая дорога пустынна. Здесь проезжали лишь заблудшие водители или егери, обслуживающие лесные угодья, комиссии, проверяющие заповедные хозяйства. Комиссии снизили частоту посещений, егерь остался один на огромной площади лесного массива. Именно он, застрелив медведя, спас жизнь волку-альбиносу, мотивировав выстрел тем, что популяция медведей превысила норму в районе. Может, и спортивный интерес сыграл решающую роль: не было на его личном счету такого зверя. В очередной раз смерть, гуляющая рядом с волком, оставила его живым, забрав врага.

Волк стоял напряженный, как струна, но уже ощущая успокаивающий ветер свободы.

Автомобиль пришел в движение, волк лег на подстилку. В дороге он разглядывал лесные просторы.

Иногда волк нервно поглядывал на сопровождающего их процессию. Еще один лесной житель – серая птица крупных размеров с черной головой и крыльями. Это успокаивало волка: он знал этих обитателей леса, считал всегда никчемными существами – поймать их и съесть невозможно. Кроме того, эти важные создания издавали скрипящие звуки, предательски разносящиеся по лесу и предупреждающие потенциальных жертв об опасности.

Егерь вез волка в лес, хотя неприятный осадок блуждал в районе груди. Да и как не быть – его единственный внук сдружился со зверем. Неокрепший хищник давал понять, что понимает: перед ним маленькое существо, которому не причинит вреда.

Вьюн вел гибрид – джип-грузовик – по пустынной дороге, ведущей в заповедник. Где был хозяином. Это была его работа. Трудная работа и поддающаяся только ему.

Егерь тоже заметил огромного ворона, взлетающего и садящегося на верхние лапы еловых деревьев, склонившихся над глухой дорогой. Слева направо, стряхивая с качающихся веток искрящийся серебристый снег. Четко перелетая с одной стороны на другую, ни разу не сбившись. Сквозь плотный темный коридор дороги пробивались редкие солнечные лучи, обра-

зую косые светящиеся полосы. В солнечные лучи попадали лавины снега, сброшенные вороном, вспыхивая в темном туннеле дороги.

Егерь жил работой, беспричинно считая: это единственное, для чего он создан. Призвание. Конечно, на первом месте – дочь Анна и маленький внук Марк. Они вне конкуренции. А уже потом – этот непростой обширный участок леса со скалистыми границами, с редкими опушками, многочисленными ручьями, невидимыми родниками и даже реками с водопадами.

Представители многих видов животных, птиц, пресмыкающихся и насекомых, обитающих в разных климатических условиях, встречались здесь. Такое своеобразное столпотворение. Природные явления, проявляющиеся в редких формах, в такой разнообразии и с небывалой частотой, делали это место уникальным и претендующим на звание одного из чудес света. Но эти места недоступны для обывателя из-за паранормальности.

Вьюн же только здесь ощущал душевный покой, интерес к жизни и все то, что для обычного человека является нормой. После смерти Аномалии только здесь он получал то, что давала жена ему при жизни.

Родился он в простой семье: мать – учительница физики, отец – водитель грузовика на угледобывающем руднике. Небольшой городок с населением тысяч в двадцать. Мальчик родился недоношенным, но долгожданным – счастье долго не могло найти дорогу в их дом. Мать некоторое время провела в больнице, пока малыш не добрал до нормы и не окреп. Предки лелеяли сына, и все знакомые были рады за них. Мальчик рос на глазах, удивляя не только родителей, но и медицинских работников. Дело в том, что к семилетию мальчик был развит физически как одиннадцатилетний. Умственно он не обгонял сверстников. Родителей это не пугало. Врачи, не видя сильной патологии, не беспокоились, улыбаясь на приемах переростку. Но внезапно мальчик прекратил необычный прогресс. Одногодки его догнали. Это успокоило мать с отцом и его, уже начинающего понимать, что постоянное посещение врачей не признак обычного проявления интереса.

Но странное дело, теперь одноклассники опережали его в развитии. На физкультуре в спортивном зале он с первой позиции построения по росту добрался до конца. За голову схватились как родители, так и врачи. От бессилия помочь. Люди в белых халатах, опустив глаза, разводили руками. Появились периоды депрессивной меланхолии. При этом юноша мог задуматься над самой обыкновенной вещью, как над сложным ребусом. Он напоминал в эти моменты автомобиль, забуксовавший в снегу. Потери координации, похожие на случайности: недонесенный до поверхности стола стакан, невозможность взяться за ручку двери. Иногда парень прикладывал чрезмерное усилие, когда этого не требовалось, делая это, конечно, бессознательно. Профессора не могли объяснить происходящего во время проведения обследований – результаты показывали норму. Только небольшое превышение некоторых веществ в организме. "Ямы" с отклонениями носили периодический характер. А в остальное время – это отличный парень, у которого несколько друзей, а подруги, в принципе, только из-за его странностей опасались близкого контакта.

Родители привыкли к безрезультатным возвращением из медицинских центров, расположенных в соседнем мегаполисе. Они свыклись с отклонениями сына. Но, видимо, не до конца: мать стала приходить на работу в школу с красными, заплаканными глазами, а отец дольше задерживался в баре после работы. Это была обычная семья. В каждой семье свои шероховатости.

Некоторые вещи в доме делались из более прочных материалов и сплавов – вечно ломающиеся ручки дверей, кое-что из мебели прикручивалось незаметно для сына. И что из того, что болезнь необычная? Она не смертельная, с ней можно жить.

Ребята в шутку называли его "компрессором", "рубильником" или просто "углом" за телодвижения – пожатие руки, хлопанье по плечу и ломку предметов из обихода. Сам он был нежелательным гостем в домах друзей. На язвительные прозвища он не обижался – природа

наградила его непомерной добротой, за которую он и был обожаем товарищами. Еще и тщательно обдумываемая справедливость влекла к нему. Ну и, наконец, его имя – мягкий стелящийся цветок – не отождествлялось с ним. Вьюн. Его абсолютная противоположность.

В итоге он еще дважды удивил всех: в четырнадцать – задержавшись в физическом развитии, а к шестнадцати – вновь невероятным скачком обойдя всех. Конечно, этим он порадовал отца и мать. Немного, но усилились бесконтрольные колебания силы во время "ям отсутствия".

К упомянутой доброте можно добавить исключительно точную точку зрения, всегда верную во многих вопросах. К примеру, его друзья обсуждали какую-то важную тему. Неважно, будь то разработка в технической области, новая лента с участием популярного актера, мелодия или девушка из параллельного класса. Вьюн во время дискуссии молчал, с отрешенным видом выслушивая мнения других, вертя предмет, сломавшийся в его руках, конечно же, по вине производителя. Как только его приглашали в полемику, он всегда тонко и остро указывал на то, на что другие не обращали внимания. Все сначала дружно смеялись над замечанием, но в итоге понимали, что краткое резюме не лишено смысла, а скорее наоборот, – выносило на поверхность то, что ими же самими было глубоко "спрятано". Одним словом, в компании его уважали за доброту, неболтливость, за острый и гибкий ум. Да и в трудную минуту уж на кого – на кого, а на Вьюна всегда можно было положиться.

С друзьями парень посещал стрелковый тир, расположенный неподалеку от родного городка. Там Вьюн имел самое прочное ружье, понимая, что эта прочность лишь номинальная. Он не появлялся в тире во время проявления отклонений. А в остальное время отлично стрелял. Тренеры всегда рассчитывали на него и не напрасно: на чемпионатах он часто вытаскивал команду, набирая недостающие очки. Никогда не бравировал достижениями. В индивидуальных стрельбах не участвовал, ни разу не поддавшись на уговоры, к радости выскочек из других областей.

Раз в месяц проводились командные двухдневные сборы в олимпийской деревне. Соседний район. Деревня полностью заполнялась редко, только если съезжались спортсмены по нескольким видам спорта. На обратном пути тренеры разрешали посетить местную достопримечательность – музей "Три охотника". Старожилы открыли его более десятка лет назад. Там имелось немалое количество экспонатов – от старых охотничьих ружей, ножей, амуниции охотников до искусно набитых чучел лесных обитателей, водившихся в местных краях. При природном музее имелось небольшое, но уютное кафе, радующее как приезжающих путников, так и работников музея непонятным по рецептуре, но утоляющим жажду и одновременно бодрящим чаем из лесных растений и ягод. Пользовались успехом и прославившиеся на всю округу яблочно-брусничные пироги, кексы с морошкой и голубикой. Эти сладости нравились и компании Вьюна.

Однажды после очередных стрельб, заказав чай и сладкое, они уселись обсуждать бюст новой официантки, дискутируя о том, что скоро в их коллекциях таких бюстов будет ой-ей-ей сколько, и о том, что хоть стрельба и надоела, но дает санкционированную возможность вырваться из-под утомительного контроля родителей. Внезапно их болтовня за столом прекратилась: с заказом пришла Она и белозубо расставила заказы перед ними. Быстро и четко. При этом заметив что-то по поводу стрелков, которые при стрельбе закрывают оба глаза, потому что им потом стыдно смотреть на их мишени с "молочными" выстрелами. Убежав, оставила в полном недоумении молодых людей, а когда они смогли открыть рот, поток слов лился в таком стиле: "какую наглость имеет эта девица, даже с учетом всех достоинств, оскорблять их, которые уже третий год подряд забирают командное золото среди команд, расположенных в радиусе пятисот километров"; "да это же та "сиколка", что работала здесь в том году, бегая между столов, цепляясь косичками и, скорее всего, приходила на работу в компании двух кукол и медвежат»; "только теперь она говорит так, словно уже три раза побывала замужем и при

этом всегда оставляла брошенных мужей только с чемоданом, в котором для веса к нескольким парам трусов прилагалась книга "О нерушимости современной семьи"». Почему там должно лежать несколько пар трусов, они не знали, но так говорил один из их отцов. Они подозревали, что чемодан с трусами – случай из личного опыта.

Ребята по очереди замолчали, взглянув на Вьюна. Он отрешенно смотрел на то место, где только что стояла Она, и, шепча, помешивал ложечкой чай.

Она была полукровкой с явным индейским оттенком. Как тонкое молодое дерево – гибкая и стройная. Кожа смугловато-красная, но ее синие глаза и пухлые губы удачно сочетались с черными, как смоль, волосами. Джинсы подчеркивали стройность ног и умеренность попки, а обтягивающий свитер доказывал, что природа потрудились на все сто при создании этого тела.

–Откуда такой самородок в этой глуши? – вдруг спросил Вюн и сам же ответил: – Так где же, как не в лесу, быть самородку!

Она пришла снова, заявив, что "пирог опоздал к чаю, но на качество стрельбы это вряд ли повлияет!" И она вдруг, к удивлению, всех, выхватила кружку с ароматным чаем из-под локтя Вьюна, который при всей "расторопности" вот-вот должен был снести ее со стола. Он, бормоча слова благодарности, протянул руку за кружкой, на что девушка уместно заметила: "Это всего лишь кружка, а не затвор пушки. Легче, легче, стрелок!"

Ребята хотели поставить ее обратно в один ряд к Барби, кубикам и другим «принадлежностям» детства, на что она мгновенно отреагировала, заметив, что их "стволы" не так уж и давно начали стрелять не в штаны, а в "яблочко" горшка. При этом она сама поставила кружку перед растерянным Вьюном, пригрозив пальцем и сказав: "Полегче!" Ребята заметили, что произошло с их другом – он опять "пропал", упав в "яму" после ее появления. А после повторного дерзкого нападения пропал безвозвратно, как одинокий путник в непроходимой глуши. Но вдруг в его взгляде блеснул луч здравого смысла.

–Она неповторима, как все неповторимое, но я бы и не хотел, чтобы она повторялась...

Вся компания пережевывала кекс и пирог, мысленно "пережевывая" произнесенный Вьюном абсурд. Они знали его и искали смысл в белиберде. А он хотел, чтобы появилась Она.

Дерзкая девчонка принесла счет. Никто не произнес ни слова. То ли из-за нежелания препираться с ней, то ли из уважения к другу. Официантка забрала деньги, осмотрев потускневшую компанию, удалилась, ловко лавируя между столами и скамейками, сотворенными из дерева, почти нетронутого ремесленником согласно полету дизайнерской мысли.

Ребята покидали кафе. Вюн намеренно не искал глазами официантку, держа все еще ее образ перед глазами, зрительно повторяя в памяти, чтобы сохранить надолго.

Так и не уснул ночью, в течение которой он тупо пялился на пустынную улицу через окно. На следующий день Вюн взял автомобиль отца и отправился в придорожное кафе, по дороге отмахиваясь от собственной памяти, хранящей его печальный опыт взаимоотношений с девушками. Это был единственный раз, когда он был "близок". Вечер после танцев. Девушка из параллельного класса. Дом. Родители отсутствовали, он принялся угощать мороженым и игристым вином. Романтический вечер, а он разбил мороженицу, бокал рассыпался в его руках. Девушка, хоть и была разогрета в обоих смыслах, отказала с опаской во взгляде: "Ты ничего не подумай, я боюсь одного – во время кульминации ты сломаешь что-нибудь и во мне!" Извиняясь, упорхнула.

Поэтому Вюн не стремился завязывать тесных отношений с девушками, предчувствуя потенциальный провал. Но образ внезапно выросшей и так понравившейся официантки стоял перед глазами. И он оттолкнул в сторону свои устоявшиеся принципы.

По дороге домой, слушая разговор друзей о невозможной едкости девицы, он хотел вернуться обратно. Друзья решили – девчонка вывела их "компрессор" из строя. Вюн, отвлеченно слушая, понимал: девушка не такая, как предстала перед ними. Защитная реакция. Она являлась для него чем-то незаменимым каждый раз, появляясь из глубины кафе, завешанного

охотничьими трофеями и еловыми ветками, словно фея из сказки, вселяя в него теплое, приятное спокойствие. Говоря, она общалась не с ним – она контактировала напрямую с сердцем или душой. С чем-то, находящимся внутри его оболочки. То, что находилось внутри, хотело говорить с ней. А запах? От нее исходил неповторимый аромат коктейля природы, включающий в себя запах леса после весеннего дождя, бодрящего мороза и всю гамму ароматов цветов и ягод. Все это сразу и поочередно исходило от нее, волнуя. На реплику, высказанную вслух: "А как она пахнет..." друзья в ответ заявили: "Кухней, пирогом, стряпней, да чем может пахнуть от официантки?.."

Все необычные чувства, испытываемые к желаемому объекту, для других часто ненормальны и неясны.

Но одно точно – девушка, не знающая Вьюна абсолютно, забирала перед ним предметы, обреченные на превращение в осколки. Это немаловажный факт.

Двигало Вьюном все вместе взятое. В спешке дважды сворачивал не туда. Но все же добрался.

Будний день, посетителей в кафе немного. Молодые люди как-то очень легко разговорились. Вьюн понял: так легко и непринужденно он еще не разговаривал ни с кем. Амалия – такое странное, но приятное на слух имя. Они наперебой, как два близких долго не видевших друг друга человека, рассказывали о себе, делясь произошедшим. Доминировали эмоциональные выражения.

Мать Амалии была индеанка. Отца она не помнила, да и не могла помнить. Из рассказа матери узнала, что он был "белый человек", появившийся в ужасную непогоду. Сильнейший ураган ломал деревья, словно спички, разбрасывая постройки индейского поселения, расположенного на границе леса и горной гряды. Гром и молния бушевали всю ночь. Мать Амалии укрылась в пещере, в которой в детстве играла с соплеменницами, мечтая о будущей взрослой жизни. В разгар стихии появился Он, и они закружились в танце любви, забыв о терзающем местность за порогом пещеры урагане. То место стало раем для них. Даже бог их племени был не против. Но бабушка Амалии сказала, что в те мгновения он заботился о жизнях, преданных и верующих в него. Иначе не допустил бы подобного. Утром незнакомец ушел вместе с непогодой, но девушка не жалела о подобной развязке. Ведь то, что она испытала, была не просто краткая любовная связь, нет. Ураган, который рвал с корнями деревья, не мог сравниться с той бурей чувств, что бушевала в момент близости между хрупкой индеанкой и белым.

Бабка Амалии сказала на следующий день дочери, что та должна покинуть поселение навсегда. Та не раздумывала ни секунды. В ней уже тогда теплилась частица белого человека, и она с первой секунды зачатия ощущала ее. Гордая индеанка знала это точно, и в ее голове уже зародилось имя будущего человека – Амалия.

Едва девочка увидела свет, мать устроилась на работу. Бабка Амалии, отправляя дочь во взрослую жизнь, отдала ей большую часть сбережений семьи – деньги и украшения. Но та решила сберечь их для Амалии. Она бросилась в работу с головой, не жалея себя. Девочка росла быстро, как "стройная тростинка", послушная, впитывающая все с молоком матери. Но, видимо, работа во время начала беременности и после забрала много сил у женщины. Она стала часто болеть. С каждым годом становилась слабее. К пятнадцатилетию дочери погасла совсем. Амалия с двенадцати лет вертелась в кафе, помогая матери, а через год работала при музее. Да и владельцы "Трех охотников" не могли оставить семью из двух «свечей». Одна из которых гасла, другая разгоралась. Они помогали им.

Девочка выросла на глазах, не решаясь исполнить волю матери – отправиться к бабке в индейское поселение. К той, что имела связь с тотемом племени. Амалия, как считала мать, была не простым ребенком, что-то было бабкино. Она замечала странности за дочерью – необъяснимые интуитивные способности. Амалия тянула с исполнением последней волей матери,

резонно видя в бабке плохую мать, отправившую беременную дочь в неизвестность. Однако в шестнадцать она решила выполнить обещание, данное у смертного одра.

Шаманка сразу узнала родную кровь и без слов поняла, что ее дочь покинула свет. Она говорила с Амалией так, словно разговор их длился уже не первый час, а сама Амалия появилась не впервые: "...Ураган, пришедший в ту ночь, сильно повлиял на жизнь всех жителей поселения..." Поселение развалилось постепенно: одни сгинули в непогоде, другие убежали потом, трясаясь от необъяснимого страха. Остались единицы, и она одна из них.

Амалия бродила по когда-то жизнью наполненному поселению, брошенному в попытках восстановления. Бабка показала пещеру, в которой была зачата девушка. Последняя трогала сухую траву, шкуры животных, подростковые амулеты, непонятные ей. Трепет, волнующий трепет, заставил выбежать из пещеры. Местность для нее выглядела так, словно ураган прошел здесь час назад. Амалия осматривала покинутое место, испытывая смешанные чувства, с интересом глядя на брошенные жилища соплеменников ее предков.

Шаманка сидела на полу, на грубо орнаментированном ковре перед раскинутыми черепками и камнями. Воздушное пространство жилища заполнял едкий приторно-сладкий дым. Старуха, выйдя из транса, открыла глаза и попросила внучку побыть с ней пару недель, убеждая, что это понравится. Амалия внезапно ощутила теплые чувства к прародительнице. Пару недель пролетели как один день, и она действительно ни на секунду не пожалела, что осталась.

Амалия прервала рассказ. Работница кафе, заметив гармонию, возникшую между молодыми людьми, позволила официантке оставить рабочее место. Они отправились гулять.

В это время года сосновый бор насыщен палитрой сине-зеленого: ровные сосны и молодые елки. Земля укрыта ковром сухих иголок с островками тонкого зеленого мха. Девушка показывала местные достопримечательности, сотканные матерью-природой, рассказывая, как опытный гид, будоража слух спутника приятным голосом. Творения местных сторожил – кормушки для оленей и лосей. Встретили маленького олененка с матерью, не испугавшихся людей, спокойно поедающих корм, оставшийся с зимы.

Вьюн слушал, наслаждаясь. Это были лучшие моменты его жизни. В глубине души он боялся, что они вот-вот закончатся. Зная всю свою неуклюжесть и нерасторопность, которые могут нагрязнить, решил действовать, пока душа парила среди сосен. Он так и заявил: он в этой обстановке, в компании с малознакомой девушкой, чувствует себя настолько комфортно и уютно, что не хотел бы, чтобы все это прекращалось. Причина этой эйфории – она... Не могла бы она не ломать сотворенное ею? Вьюн не был поэтом и сказал, как мог. Амалия рассмеялась признанию, но сказала серьезно: не так все просто, хоть и самой хорошо сегодня, как никогда. Есть кое-что, что может стать барьером в создании отношений. Молодой человек должен знать об этом и, прежде чем принять окончательное решение, обязан выслушать ее. Вьюн был готов. Лишь левая рука его предательски дергалась.

После пребывания у шаманки во время возвращения провожающая ее прародительница вернула ей все украшения. И, прощаясь, положив руку на голову, сказала внучке: "В тебе скрыта энергия, сильная энергия, она заложена при зачатии. Ты, как человек изначально миролюбивый и добрый, не замечая, применяла ее... В дальнейшем будешь осознанно использовать исключительно для тех, кто в ней нуждается. Но есть одно "но": она съедает тебя изнутри, ты, возможно, не заметишь этого до последнего своего часа. Мы уже не встретимся никогда! Поэтому запомни: если ты будешь отдавать энергию тем, кто в ней действительно нуждается, то и час твой последний будет оттягиваться по мере этой отдачи. Остальное поймешь сама. Ты далеко не глупая девочка, поэтому полагайся больше на чувства, они сами все откроют!" Амалия под впечатлением услышанного вернулась домой.

–Когда я увидела вашу компанию, меня охватил озноб... Я поняла, что сейчас мне что-то откроется, хотя я видела вас и год назад. Вы мне казались обычными мальчишками с идиотскими физиономиями, такими же мыслями и непомерными амбициями. Но вчера я ощутила,

что ты именно тот, кому я могу и должна помочь. Я убирала предметы перед тобой, зная, что с ними должно произойти. Сегодня, выходя из кафе, обошла тебя, чтобы открыть дверь, видя заранее, что из-за избыточного усилия ты сломаешь дверь или ручку в лучшем случае. Тогда я окончательно поняла, что ты именно тот человек, кому действительно нужна моя энергия...

Вьюн, слушая Амалию, находился в прострации, словно посторонний наблюдатель впитывал в себя рассказ, поражаясь услышанному.

Они добрались до кормушек, где питались косули. Там валялось наполовину сухое упавшее дерево. Взгляд синих глаз лишь скользнул по нему, и тень тревоги пробежала по смуглому лицу девушки. Не говоря ни слова, внешним видом Амалия призвала молодого человека помочь. Сделали это легко – сил у Вьюна было с избытком. Ей этого показалось мало: она принялась отламывать щепки на сломе дерева, торчащие по диагонали вверх.

– Зачем? Ведь оно не загроживает подход к кормушкам? – поинтересовался с недоумением Вьюн.

– Действительно! – играя певучестью голоса, согласилась Амалия. – Но с взрослыми особями пойдет потомство, а в такой толчее возможно... – Тут она взглянула на него так, что он понял: это возможное и есть уже "сто процентное": кто-то из детенышей наскочит на острый "стержень" и погибнет.

Вьюн выломал остатки ствола дерева и отнес на безопасное расстояние. Амалия увлекала в глубь леса, на что он заметил:

– Темнеет...

Сказал он это, чтобы услышать вновь пение ее голоса.

– Я хорошо знаю этот лес. Да ты и сам увидишь – дорога будет светла!

Она говорила что-то еще. Вьюн лишь восхищенно поглощал слова, не разбирая значений и важности. Они вышли к бурному потоку реки, что неслась с возвышенности по каменистому руслу. На середине реку перегородило дерево.

– Ураганный ветер был и здесь! – сказала Амалия с ноткой удивления в голосе.

Но Вьюну показалось, что они целенаправленно шли к водному потоку. Возле ветвей дерева в свете луны сверкали не только брызги, но и более крупные предметы, словно зеркала отражающие лунный свет.

– Это лосось! – услышал он приятный голос. – Сейчас он спешит на нерест, идя против течения...

На пути стаи рыб лежало сломленное дерево. Они выпрыгивали, преодолевая препятствие, но натыкались на ветки дерева, которые, пружиня, откидывали их назад. Вьюн полностью понял масштаб "катастрофы", увидев бурлящую и отражающую телами рыб поверхность воды. Они приложили немало усилий, чтобы убрать дерево, перегородившее путь, идущий через пороги реки. Когда закончили, рыбы, серебрясь в лунном свете, словно птицы – большими стаями, запрыгали через бурлящий поток, создавая своим передвижением, словно в благодарность, звучное плескание. Эти молчаливые создания благодарили!

И в подтверждение слов Амалии весь обратный путь луна, как путеводная звезда, светила им, указывая дорогу.

Вьюн категорически не хотел расставаться с Амалией, но она не желала, чтобы тот расстраивал родителей. Это было начало, которое, конечно же, имело продолжение.

С легкой руки одного из его друзей имя девушки трансформировалось в "Аномалию". Ведь рядом с ней их "необработанный угол" действительно соответствовал имени, данному ему "по ошибке" при рождении. Вьюн забыл о бесконтрольных "провалах" и "ямах", став обычным человеком. Иногда во время сильных нервных напряжений он становился самим собой, но и тогда легкое касание Аномалии творило благое дело.

С появлением Амалии в жизни нашего героя произошли изменения. На второй план отошли родители, а потом, будто решив, что их жизненная задача выполнена, покинули этот

мир. Первой тихо, словно цветок, завяла мать, а потом так же тихо, леча алкоголем утрату, ушел в мир иной отец.

В наследство достался небольшой, но крепкий дом с палисадником и беседкой, грузовичок отца, сочувствие соседей и добрые слова коллег отца, готовых взять Вьюна на работу. Ну и жизненные напутствия учителей, работающих с матерью в школе. Друзья не оставили в трудные минуты, надо отдать им должное, да он никогда и не сомневался в их поддержке.

Амалия стала ближе в минуты горя и постскорбные будни. Однако ее отношения с друзьями Вьюна не складывались. Она была прохладна к ним по собственным соображениям, не объясняя этого своему мужчине. Друзья сначала пытались вести себя с Амалией по-свойски, но, обнаружив, что бьются о стену, заняли снисходительную позицию, списывая все на нелюбимость ее предков, дикие нравы народности и сложное детство Амалии. Меньше всего внимания на это обращал сам Вьюн, души не чаявший ни в друзьях, не бросивших его из-за недостатков, ни тем более в спутнице жизни, которая почти полностью искоренила эти недостатки.

Вьюн работал на грузовике отца, защищал гербы города и флаги региона на соревнованиях по стрельбе, изучал зоологию, биологию, основы селекции и страстно любил Аномалию, друзей и все, что с ними связано. Вскоре произошло событие, повлиявшее на его жизнь кардинальным образом. Друзья привезли в его дом детскую кроватку, погремушки, ну а Амалия, конечно, принесла в их дом новую жизнь – малютку дочь. Анна. Небесное создание с синими глазками, смуглой кожей и белой шапкой волос как у Вьюна. Это событие сблизило влюбленных еще больше.

Но странное дело – сама Амалия относилась к дочери с непонятным чувством материнской любви: она словно делала работу и только. У диких зверей любви и заботы к своим чадам гораздо больше. Да, она кормила молоком девочку, пела колыбельную, укладывая спать, но все это выполнялось с чувством долга, а не любви к маленькому ничего не понимающему существу. Даже Вьюн проводил больше времени с дочерью, что не скрылось от внимания друзей. Вьюн резонно реагировал: все люди разные, Амалия по-своему тепло и глубоко любит Анну. На самом деле, он и сам стал замечать: с ростом малышки Амалия хладела к дочери. Вьюн любил обеих и не корил за нелюбовь к чудесному созданию – своей отцовской любовью заполнял пустое пространство материнской.

Когда девочке было десять, Амалия совсем перестала замечать дочь. Не стало ни любви, ни противоположности. Не осталось абсолютно ничего. Девочка с возрастом стала относиться к матери с аналогичными чувствами. Ей было тринадцать, когда Амалия начала слабеть, но даже это не пробудило любовь у Анны. Вьюн, наоборот, стал больше времени проводить возле тающей Амалии. Ему пришлось от многого отказаться в жизни: от изучения наук, любимой стрельбы, ограничиваясь только домом и работой.

Все свободное время Вьюн тратил на Амалию, находясь возле нее, пытаясь вернуть ей ту энергию, которую она дала за совместную жизнь. Но видел в ее взгляде только укор, говорящий о тщетности попыток. Она гасла, долго цепляясь за жизнь. Это продолжалось два года. В конце Вьюн перестал выдерживать – начали проявляться признаки его забытого заболевания. Но касания даже утешающей жены производили эффект – возвращали его в нормальное состояние. От этого крепла еще больше любовь к ней.

Настал день, когда из комнаты, где гасла Амалия, его "Аномалия" – "громоотвод" его физических отклонений – вышла заплаканная дочь, пытающаяся передать слова, которые сказала ей мать. Вьюн жестом остановил ее и сам зашел в комнату, садясь около любимой жены, но услышал лишь несколько слов: она, Амалия, будет, насколько сможет, рядом с ним, несмотря ни на что. Она ушла при нем: ее лицо застыло, словно маска в мастерского творца. Он долго сидел возле нее, до конца не осознавая, что она уже не коснется его своей животворящей рукой. Вьюн смотрел сквозь слезы на ее прикрытые глаза, на лицо, потрепанное муками, любимое лицо. Он говорил с ней, пока его не увели. Анна скорбела так, словно только сейчас полюбила

мать – плакала целыми днями, шепча сквозь всхлипывания. Отец не мог разобрать слов, он просто продолжал любить Аномалию крепче и крепче. Она теперь всегда была рядом с ним, он говорил с ней. Окружающие делали соответствующие выводы, но он не замечал. Лишь растущая красавица понимала и любила его.

Вскоре Анне пришлось перебраться в другой город из-за учебы в университете. Изучение лингвистики увлекло ее. Взрослая жизнь поглотила полностью, но не разорвала связи с отцом. Анна ежедневно висела на телефоне, общаясь с ним. Приезжала домой на выходные, все чаще находя отца говорящим самим с собой, сидящего у портрета матери. Друзья предпринимали попытки вытащить его из пропасти шизофрении, в которую он падал. Безрезультатно.

Однажды Анна узнала из средств массовой информации, что ураганный ветер нанес ущерб в ее родном городке. И, не дозвонившись до отца, выехала к нему. Она нашла Вьюна в доме, потрепанном стихией – выбитые стекла на полу. По дому гулял ветер, катая бумаги. Невозмутимый отец сидел у фотографии ушедшей жены и... читал газету. На вопросы о телефонном молчании пожал плечами и протянул газету Анне. Это возмутило ее, но, увидев впервые за долгое время искорки жизненного интереса в его глазах, она взяла в руки измятую газету и прочла статью.

"Большая Аномалия" – в пятистах километрах от их родного городка, в густом лесном массиве, вдали от мегаполиса, вблизи от раскиданных отдельных жилых поселений, происходят странные вещи. А именно: пропадают люди, работающие охотоведами, егерями. Обнаруживают их через определенное время в сотнях километров с симптомами частичной амнезии. Феномен также заключался в странности природных явлений этой местности, не поддающейся объяснению. Специалисты этого профиля отказывались работать в регионе.

Анна, прочитав статью, хотела возразить, но обещала матери перед ее смертью – не перечить ни в чем отцу. И обещание нужно было выполнять. От нее не укрылось, что за основу решения отца было взято имя, которым в шутку называли мать. Паранормальность описываемого журналистом места Вьюн, видимо, связывал тонкой нитью со странностью связи его и Амалии.

Отец возбужденно заявил: газета влетела в разбитое окно со штормовым порывом ветра! Это знак от нее – от Амалии, которая была зачата во время урагана.

– Так что ни о чем другом не может быть и речи, – твердо резюмировал Вьюн. – Осталось только собраться и ехать!

Все необходимые данные, как он считал, у него имелись: изучал требуемые для соответствующей работы предметы, идеально стрелял. Теперешняя работа не радовала и не интересовала. Видя оживление, смысл в действиях отца, дочь отправилась собирать спартанские пожитки отца, необходимые для разведывательной поездки. На следующее утро она проводила его. А затем приезжала в охотничье хозяйство, которое они вполголоса называли "параузел". Сначала одна, потом с мужем. И в итоге – к безграничной радости Вьюна – с мальчиком Марком.

Анна успокоилась, находя отца удовлетворенным жизнью. Он нашел свое место, свое призвание. Видела радость в его глазах, когда привозила кроху Марка. Радость, которая не искрилась в глазах Вьюна с момента смерти Амалии. Он обрел свою Аномалию вновь – среди природных странностей заповедника.

Вьюн ехал по лесной искрящейся дороге.

Как хорошо, что у Анны родился мальчик! Смешной непоседливый карапуз. А то, глядя на Амалию и ее мать, он видел прорисовывавшуюся тенденцию непонятного материнства: родив дочь и дотянув до ее совершеннолетия, насколько можно взрастив и как можно воспитав, они (матери) покидали этот мир. Вверяя проведению своих чад. Марк, появившийся с криком Анны в акушерском цеху, нарушил неписанные правила. Возможно, об этом рано говорить,

но Вьюн однозначно считал появление мальчугана хорошим знаком, прекращающим рубить ветки на родовом дереве.

Егерь улыбался. Дорога была прямая. Впереди крылатый "гид" – огромный ворон – скидывал шапки снега с деревьев. Вьюн бросил взгляд в зеркало заднего вида, пытаясь разглядеть сидящего в кузове грузовика в клетке хищного зверя. Увидел сквозь чуть запотевшее окно голову волка.

Зверь встретился взглядом с хозяином заповедника и отвернулся. В глазах волка егерь увидел свечение. Нет, не отблеск солнца, в лучи которого волк попадал. Его глаза излучали благодарность за спасение и лечение, радость от предвкушения свободы с каплей тоски и неимоверной силой лесного зверя. "Лютый" – и Вьюн тут же вспомнил, улыбаясь, как внук окрестил волка – "Люти". Он добавил тепла в печке, автоматом – громкости в приемнике и снова улыбнулся приятному голосу саксофона, раздававшемуся из динамиков. Ехать до точки назначения осталось недолго – километров сто. Где-то там и есть ареал обитания Лютого, там его родной лес. Летающий гид отматывал свои птичьи расстояния ничем не хуже спидометра форда Вьюна.

В клетке, прихваченной морозом, волк вдыхал холодный воздух, который вырывался со свистом из носа недавнего объекта пристального внимания веселого карапуза. Общение между ними было скоротечно, но незабываемо. В их жилище он окреп, встал на ноги. Близость леса вселяла силу, лишь клетка держала его. Но Лютый знал, что преграда скоро падет. Хотя спрашивается вопрос: откуда зверь может знать, что его выпустят? Да и трудно представить, что может знать дикий зверь. Разве может он думать? Ведь он лишь слепо верит инстинктам.

Но Лютый именно знал, что дом, который недавно мелькнул между деревьями – реальный человеческий дом, – близок ему и даже роднее, чем та нора, в которой воспитала его спасшая волчица, и роднее, чем дикий непроходимый лес. Неизвестно откуда, но он знал это. Волк даже знал то, что он вернется к людскому жилищу. Знал, что это место для него необходимо. Еще знал, что эта бесполезная птица, появившаяся на пути, по каким-то невероятным причинам станет его спутником на определенном отрезке жизни и даже больше – помощником. Это может показаться абсолютно невероятным – такой странный симбиоз из двух несовместимостей. Но кто, живя в этом абсурдном мире, может на сто процентов знать точно, кто с кем и что с чем совместимы?

Вскоре "процессия" остановилась, точнее, сделал это огромный ворон.

–Ну и тон! – заметив остановку "гида", произнес приглушенно Вьюн. – Возможно, ты знаешь местные достопримечательности лучше меня, возможно, знаешь, где волчья нора?

Впуская в кабину морозный воздух, егерь вылез и, ступая по хрустящему снегу, обошел грузовик. Волк с гордым видом смотрел вдаль.

–Да, там остался твой друг Марк! – по-своему трактовал егерь. – Ну а здесь твой дом.

–Ка-а-р! – раздалось сверху, словно вместо волка ответил ворон.

Волк, развернув голову к источнику звука, звучно щелкнул пастью.

Вьюн усмехнулся взаимосвязи двух существ и, взобравшись на клетку, поворчал:

–Значит, здесь.

Раскрытая дверца – возможность полностью вкусить сладкий вкус свободы. Волк, встряхнув телом, взглянув на егеря, издав звук, напоминающий рокот трактора, соскочил с грузовика и огромными прыжками, не оглядываясь, углубился в лес. Сбросив очередную порцию снега с кедровой ветки, глухо каркнув и взмахнув черными крыльями, отправился в ту же сторону и ворон. Егерь, проводив взглядом обоих, взглянул на верхушки деревьев и, удовлетворенный окончанием большого дела, хлопнул себя по пузу. Спускаясь с грузовика, услышал эхо вороньего карканья, находя в нем нетерпение и недовольство.

–Уже поссорились?

Развернул грузовик на небольшом пяточке, подумал: дорога домой будет короче, дома ждут любимые внук и дочь. Анна пекла бруснично-яблочный пирог, каким любила радовать его Аномалия.

Грязно-вишневый форд Вьюна, покрытый инеем, пару раз заезжал в небольшие карманы дороги, уходящие в глубь леса. Там стояли кормушки для обитателей заповедника. Он был здесь два дня назад, и кормушки были тщательно вычищены животными. Снег вокруг вытоптан копытами, а на крышах кормушек отпечатан причудливыми узорами, что подтверждало: птицы тоже участвовали в пиршестве. Звери и птицы знали, что Вьюн приедет и скрасит их существование в зимний период. Возможно, даже сейчас эти хитрые существа следили за ним, спрятавшись за ветками деревьев. На других участках они подходили ближе, не стесняясь егеря. Их биоритм, чутье зверя и постоянный спутник – голод – гнали их к кормушкам. Иногда он стоял и ждал, как самые смелые из них, по-детски глупые, подходили к еде. Но не сегодня. Домой.

Лютый бежал трусцой параллельно дороге, по которой ехал егеря, забыв про места обитания, где жил одиноким волком. Он слышал гул удаляющегося грузовика, слышал хлопанье крыльев и сопровождаемое эхом карканье привязавшейся птицы. Он различал среди этих звуков шорохи паникующих «местных жителей», слышал импульсивно заколотившиеся сердца врагов, решивших притаиться среди уютных веток кустов. Даже в поступи волка чувствовалась сила.

Но все вместе взятые жители леса мало волновали зверя в данный момент. Он не мог думать сейчас ни о голоде, ни об охоте. Его цель сформировалась. Тот самый дом, огороженный высоким забором, захватывающим приличную территорию, с несколькими дополнительными постройками, беседкой и еще массой мелочей.

Ничем особенным дом не выделялся: струйка дыма, уходящая в небо, масса запахов, подтверждающих обитаемость. Но вокруг на расстоянии раскиданы похожие дома с явными признаками проживания живых существ. Чем заинтересовал белого волка именно этот дом? Его, вырвавшегося из плена, пусть лечащего, кормящего, но плена. Ему дали волю, от нехватки которой он выл по ночам. Не мог ответить на этот вопрос и сам волк. Но бежал целенаправленно, не отвлекаясь ни на что, бежал к этому дому, вероятно, также желая знать, что заставило его сердце колотиться при виде дома в заснеженном пейзаже, почему так защемило в груди и перехватило дух? И тоска, да, тоска закралась в звериную сущность. Его лапы задрожали оттого, что он не мог вырваться из клетки. Он не мог оторвать взгляда от этого места вплоть до момента скрытия его за поворотом, за плотной стеной деревьев.

Что там? Он обязан найти это место! Обязан кому? Себе? Им – обитателям дома?

Уже три раза солнечный свет сменялся темной ночью с огромною луною и несчетным количеством звезд в небе. Волк лежал в густых лапах ели, не чувствуя ни холода, ни давно уже пришедшего голода. Он наблюдал, как военный на посту, следящий за малейшим передвижением на интересующем его объекте. Белая густая шерсть с седым отливом переливалась днем на солнце и ночью в свете безжизненной луны. Огромный серый ворон, подстать волку, составлял ему компанию. Он садился на ветки, осыпая снегом, оглушал противными звуками, напоминающими скрип гнущихся от ветра деревьев, кружил, паря над территорией дома, что являлся объектом наблюдения.

Если учесть местоположение и численность этого поселения, взять в учет погодные условия, то можно сказать, что жизнь здесь была ключом. Наблюдатели засекли, как к территории, точнее, к ее воротам, неоднократно подъезжала машина, схожая с автомобилем егеря. Из нее выходил человек, открывая ворота, проезжал внутрь и заходил в дом. То же самое он делал, только в обратной последовательности, уезжая. Самые сильные волнения слышал ворон снизу, где под ветками находился волк, когда из трехэтажного дома выходила девушка и, кутаясь,

бежала в соседнее строение. Это происходило пару раз в день. В эти моменты волк вытягивал шею, словно покрывал этим расстояние до цели и, пристально вглядываясь, он делал движения, похожие на готовящегося к броску охотника. Ворон, свисая с ветки, с интересом наблюдал за зверем.

То, что случилось на третий день, взволновало волка до такой степени, что он издал чихающий подвывающий звук. Чем напугал птицу, задремавшую на "посту". Волку не было дела до этой летающей "никчемности" – все внимание было приковано к девушке. Молодая женщина, выйдя из подсобного помещения, вывела под уздцы черного вороного коня, брыкающегося и подкидывающего черный расчесанный хвост. Конь выпускал пар из ноздрей, как паровоз. Его в течение часа водили по территории, огороженной забором, терпеливо держа – конь дергал головой с коротко стриженной гривой.

Волнения волка прекратились с уходом девушки и коня. Но что началось ночью? Это было ужасное соло, передающее все уровни страданий. Начиная от тоски жены, ждущей мужа с поля битвы, печали безнадежно влюбленной, перечитывающей строки пылкового поэта, боли сходящего с ума по скрипке музыканта, потерявшего руки, до тоскующего по смерти больного, ждущего эвтаназии. Все, здесь было все! На километры разнесся полуночный вой, разбудивший и шокирующий все живое в округе. Серый ворон, не выдержав и первых "аккордов", сорвался с ветки и улетел. Появился он только под утро, удовлетворенно каркнул, увидев бодрствующего волка.

Нина была приятным человеком. Внешность, конечно, не была столь выразительной, как облик тех девочек, которым с первого курса пророчат звание "Мисс университет". У которых к двадцати трем годам за спиной весь стандартный комплект жизненных обстоятельств. Начиная с университетской короны и стремительного замужества за сыном преуспевающего бизнесмена, как следствие – быстрое разочарование, развод и продолжение – непрекращающийся поиск счастья, престижной работы, в промежутке – несколько зависимостей, а итог – в двадцать пять – усталая жизненная мука в глазах и не очень свежий оттенок кожи. Так было с немногими ее подругами.

Красота Нины была глубинной. Если так можно сказать о девушке с тонкой гибкой фигурой, худым, но с чуть выступающими скулами лицом, чуть полными губами и невероятно красивыми сине-зелеными глазами, мальчишеской выющейся прической и белыми волосами. Глубинность красоты в том, что, глядя на Нину, не каждый при знакомстве сказал бы, что она красива. Да, приятна. Но последующее общение приводило к тому, что уже трудно было оторвать взгляд от ее лица. Завораживали глаза. Это как раз тот случай, когда смотришь в них долго и приходишь к мысли, что это бестактно. Так происходило с кем угодно. Кто бы ни был ее собеседником, будь то отвязный ловелас или свихнувшийся эзотерик. Но любой впоследствии находил ее красоту правильной, не броской, не кричащей, а именно притягивающей взгляд. Все это сочеталось с мягким, даже вкрадчивым голосом, мягкость которого не мешала останавливать и рушить громкие гневные тирады, вводя в ступор произносящих их. Мягкость была одной из черт ее характера: она слушала собеседника, вникая в суть проблемы, независимо от статуса говорящего. Ей было интересно докопаться до истины. Она могла дать совет, объяснить, мотивировать человека. Но если собеседник, ощутив пластилиновую мягкость Нины, хоть малейшим образом пытался сыграть на ее гибкости, он натывался на стальной негнущийся стержень, завуалированный под мягкостью. Это сравнимо с барахтаньем в теплом течении реки, наслаждение от которого прерывает столкновение с острым камнем. Эффект аналогичен. Здесь Нина сопровождала высказывание четким жестом. Вряд ли был такой человек, который после такого обращался к Нине вторично. Для нее же этого человека просто не существовало.

Нина вошла в теплый дом. Она любила это ощущение – проникать с мороза в уютное комфортабельное гнездышко, построенное в соответствии с ее личными дизайнерскими решениями. Ничего лишнего! Максимум удобств и при этом минимум электроники. Первый этаж – холл с камином посередине, открытый с двух сторон, на стенах – зеркала, рамы с пейзажами. Кухня со столовой, где действительно была необходима техника. Второй этаж и мансарда собрали в себе спальни, комнаты для гостей, кабинет с библиотекой и мастерскую.

Спрятав в стенном шкафу легкое, но теплое одеяние, Нина сквозь холл продефилировала в гостиную, едва удостоив взглядом жаждущее новой порции дров чрево – пожалуй, чревище – камина с остатками тлеющих углей.

– Фиг тебе, ненасытная рожа! – произносит она на ходу. – Сначала чай...

Звук от почти беззвучного приземления и бега ей наперерез маленького несимпатичного существа с гладкой морщинистой кожей и большими ушами.

«Тетя!», означающее мягкое "не приставай", обреченное на провал.

Чайник. Журнал "Путешествуем морем". Канал "Дискавери" повествует о слабой гравитации и безжизненности одной из ближайших планет. Кухонный стол из легкого металлического сплава. Возня с бесцеремонно прыгнувшей на колени кошкой. Черничный чай с листом мяты. Тримаран на развороте журнала.

– Да, тебе привет от Мальборо!

В ответ – фырканье: кошка и так ощутила запах нетерпимого ею животного. Тетя породы сфинкс – бескомпромиссное, вредное существо, любящее хозяйку и ненавидящее даже время, проведенное без нее. Всеми действиями дающее понять, что жизнь вокруг ведется исключительно по ее правилам. Исключения травмировали психику животного.

Прозвище получено при их знакомстве. Нина. Молодой человек. Возвращение с моря в лучах багрового заката. Теплый ветер врывается в открытые окна спортивной двухместной машины. Строгие родители – средняя интеллигенция, – отправившие единственную дочь в частную школу искусств, ожидали ее в доме частного сектора небольшого городка.

Над большим поворотом, обозначенным желто-черными отбойниками, отгораживающими обрыв, висел темно-красный шар светила. На его фоне – силуэт непонятного зверька. Молодой человек уложил автомобиль в поворот по всем правилам спортивного искусства, но внимание пары привлек нешелохнувшийся маленький истукан. Водитель, затормозив, вернулся к непонятному существу. Котенок не пошевелился, не пугаясь ни автомобиля, ни его манипуляций. Он смотрел на заходящее за горизонт солнце. Молодой человек убрал звук музыки и подмигнул девушке.

– Тетя, зря торчишь на повороте!

Гордый поворот головы через секунду после реплики. Взгляд маленького животного выражал высокомерие. Секунда – и существо отвернулось к светилу. Белокурая девчонка хохотала. Котенок мог бы мурлыкать ей по ночам, пока нет рядом молодого человека, вечно рассказывающего сказки. Молодой и симпатичный отразил неон с панели своими белыми крупными зубами. Его "кис-кис-кис" не произвело эффекта. Как и открытая дверь с повтором стандартного позывного. Выйдя, он присел на корточки, протянув руки к котенку. Ничего. Только издевательский смех из машины. Намерение взять в руки наглеца вызывало шипение с прижатой к асфальту грудью. Молодой человек замер в нерешительной позе. Противостояние длилось секунды. Сцена могла бы стать шедевром фотогения. Котенок, оставив оппонента в прежнем положении, играя хвостом и трясая головой, нырнув в салон, запрыгнул на девичью грудь, слегка царапнув кожу, повис на блейзере, глядя в сине-зеленые глаза. Всю дорогу так и провисел, мгновенно впуская когти в тело при проявлении ревности со стороны водителя. Вот и закрепилась кличка за оказавшейся женской особью котенком.

– Мальборо почему-то сильно волновался сегодня... – Нина листала журнал, кошка фыркала, ревностно исследуя джинсы хозяйки и чувствуя конский запах.

Мальборо – вороной конь, которого Нина водила под уздцы по территории нескромного жилища. Знающих, что из себя представлял конь, удивить такими словами невозможно. Вороной волновался всегда и не признавал абсолютно никого, кроме нее. Конечно, кинуть ему корма мог кто угодно, но только после разговора с ней и ее убеждений он начинал есть. Что же касалось ухода – чистки, стрижки и выгула, – признана только она. Но если Нина сказала "он волновался", значит, поведение коня было из ряда вон выходящее.

Был еще человек, которого Мальборо любил и ждал. Ждал, что услышит голос, что тот потреплет за короткую гриву, а он, в свою очередь, позволит оседлать себя. И помчится по просторам, чувствуя тело и бьющееся в такт сердце слившегося с ним в монолит жокея. Но он был, действительно был.

Конь терпел только ее, которую ненавидел и любил. Ненавидел за то, что она приходила одна, а любил за то, что она была одним целым с хозяином. Конь чувствовал это. Чувствовал Мальборо и то, что она осталась одна, и они едины в этом одиночестве. Поэтому он позволял ей ухаживать за ним. Нина терпела все выходки коня. Прошло больше года, прежде чем он позволил себе самому слушаться ее и гулять с ней. По природе своей бунтарь, сегодня он снова напомнил об этом: бил копытом, фыркал, упираясь, мотал головой, таская руку Нины из стороны в сторону. Но она терпеливо вела его, что-то мягко приговаривая. Конь, слушая, успокаивался, но, проходя мимо забора в южной части территории, брыкался снова.

Поведение Мальборо было схоже со вспышками эмоций, которые проявлялись в тот год, когда раны на сердцах от потери близкого человека были еще слишком глубоки. Однажды эмоциональное состояние Нины перевалило через критическую точку, и настал момент, когда за уникальным животным приехал покупатель. Но конь не только не позволил погрузить себя в специальный трейлер, даже не дал вывести себя из конюшни, покалечив двух специалистов. При попытке Нины самой сделать это, Мальборо метался, разъяренно фыркая пеной, глядя ей в глаза. Всем видом давая понять, что может переступить границы, видя предательство. От усыпления для транспортировки, озвученной кем-то, отказались обе стороны. На прощание покупатель лет шестидесяти от рода, сжал мягкими для старика руками холодную и влажную от слез руку Нины, прищурил глаза за стеклами модных очков:

– Дорогая, поверьте, каждый из них индивидуум, а этот – тем более, – он кивнул, слегка трясая головой в сторону Мальборо, пристально следившего за беседой. – Знаете ли, очень тонкие натуры. Да-да! Их чувства веры, привязанности и даже любви настолько глубоки и в тот же момент хрупки, что если они рассыпались, то их уже не собрать... Попробуйте, несмотря ни на что, найти с ним общий язык, может, еще не поздно. А за моих людей не беспокойтесь, это всего лишь люди.

Он отпустил руку Нины и пошел к своему дорогому автомобилю. Возможно, эта несостоявшаяся продажа как-то и повлияла на коня, но много, много времени прошло, прежде чем он простил Нину.

"Что же могло так взволновать коня?" – Нина смотрела, как Тетя кусает мизинец.

– Ну с тобой-то все понятно: кроме тебя и частички меня, никого не существует в этом мире...

Она вспоминала прогулку. Площадки с препятствиями, не используемые уже давно. Мальборо вел себя так, когда чувствовал опасность: посторонний человек или та бойцовская собака, что приводил пару раз Виктор. Конь ощущал присутствие чужака, даже находясь в конюшне. Проходя мимо забора, вдоль которого он проходил тысячу раз, его заколотило.

"Он даже попытался задержаться, словно по ту сторону забора была белая кобылица," – по-своему трактовала поведение коня Нина. – "Маловероятно, совсем не вероятно, учитывая расположение поместья, да и саму местность... Хотя местность-то в этом районе как раз чудотворная! Чего только не пишут в газетах, да и болтают – дай только языки почесать".

Заповедник, точнее, та его часть, что прилегает к Горе, полна странностей. Говорят, люди пропадают, животных видят сказочных, явления, несовместимые с местностью и временем года.

– Да нет, Тетя, наш Мальборо – закоренелый холостяк! – И, вставая, спросила непонятно у кого:

– Ну и где Виктор? Он рискует ужинать в одиночестве...

Особенностью кошки было ее молчание. Никто не слышал, как она мяукала. Но если бы она могла вербально выразить чувства, то, несомненно, высказалась бы по этому поводу. Виктор для кошки – враг номер один, так как общался с хозяйкой, смотрел на нее, касался и еще там что-то. Тетя не переносила этого и все утомительные часы пребывания Виктора в особняке проводила в "кошачьем доме". Если же мужчина оставался на ночь, кошка впадала в состояние транса, сидя в позиции, оправдывающей название ее породы.

Нина, бросив корм кошке, пошла "кормить" огнедышащего монстра. К камину дрова подавал механизм небольшими вязанками. Это удобство было предметом споров не расположенной к такому Нины и заботливого Виктора. Он знал, что она любила часами сидеть у огня – "смотреть жгучую жизнь пламени". Она не могла просто положить дров. Ей необходимо было видеть, как уже поникший огонь, растворившийся в углях, сначала лизнет несмело пламенем дерево, а затем разыграется и охватит всю стопку дров. Она "только на пять минуточек" присела на двухместное кресло из грубой кожи и засмотрелась на танцующие языки пламени, слушая недовольное фырканье кошки. Ее глаза невольно поднялись вверх, на фотоснимок, и встретились там с глазами жизнерадостного человека в черном жокейском костюме и серебристо-черной кепке. Правильное лицо, карие глаза, чуть прищуренные в улыбке, ямочки на щеках и нереально крупные белые зубы. Даже с фотографии он заставлял улыбаться. Нина невольно улыбнулась. Откуда-то из груди вырвалось наружу:

– Поль! – Казалось, по холлу разнеслось эхо. – Боже мой, Поль!

Рядом с объектом ее страданий на снимке – радующийся победе друга Виктор, держащий Кубок межконтинентального чемпионата и сдувающий с инкрустированного камнями приза брызги шампанского в сторону чемпиона. Шампанское в эту чашу лил Мартин. Улыбающийся раз в год. Делал он это, только листая детский альбом с фотографиями в свой день рождения. Но победа друга разбила и этого "несмеяна". Он лил игристое, едва попадая в чашу и обливая всех, причиной была голова коня с коротко стриженной гривой. Снимок запечатлел миг: счастье этих людей столь естественно, что взгляд на снимок вызывает только чувство радости. Нет! Не только! Еще тоску, безмерно глубокую и тянущуюся, как резину, стягивающуюся обратно и снова тянущуюся... Эта четверка в большом формате висела на шершавой, отделанной под кору дерева стене, над открытой пастью камина и его полкой. Воспоминания стрелой метнулись в тот исторически-триумфальный день...

– Поль! – раздалось вновь.

Холодный нос кошки, ткнувшийся в шею, вернул Нину в реальность. Трель телефона. Взволнованный голос Виктора в трубке:

– Нина, в чем дело? Я звоню уже второй раз и так долго...

– Нет, ничего! – Предательские нотки волнения выдали ее. – Ты скоро? У меня все готово.

– Ты опять сидела у камина? – Чувство сожаления в голосе мужчины.

– Да...

– Ты знаешь, ужинай без меня... Куча бумаг, останусь в кабинете.

– Может, выдвинешься? У меня горят свечи и "урожай 69 года" на столе... – Она сделала паузу, зная прекрасно, что его забота и такт непоколебимы. Не перед ней, не перед ее чувством... – Будешь давиться полуфабрикатами и ворочаться на скрипучем кожаном диване?

– Паду, как после боя! На такого измочаленного воина даже Тетя не обратит внимания... – Виктор откровенно рассмеялся и уже серьезно добавил: – Обещай мне включить сигнализа-

цию и видеонаблюдение. Мой телефон включен, и Густав, если что, в получасе езды от тебя – сегодня он дежурит. А завтра я приеду и задам тебе хорошую трепку!

–Хорошо, милый. Целую...

–Да, и привет Тете, я ее тоже люблю!

–Угу...

Нина отправилась к шкафу с верхней одеждой, там зеркало в виде подсолнуха. Нажатие на один из лепестков открывает пульт сигнализационной системы, мигающий датчиками. Аппарат противно пискнул, не подтверждая выполнение команды. Поиск незакрытых дверей. Окна в такое время года почти не открывались. Не закрыта входная дверь, и вторая попытка с охраной – более удачная. Теперь видео, пульт в кабинете. Второй этаж, в кабинете восемь мониторов передают картинку их дома с территорией. Зеленая лампочка подтвердила, что изображение с камер пошло на мониторы объекта, охраняемого "Густав & К". Секретный объект. Густав – хороший знакомый Виктора и партнер по клубу. А в общем, балагур и весельчак, добрый семьянин и, как обычно бывает, – обладатель недюжинной силы, великан с рыжей бородой. Его ребята готовы в любую минуту примчаться на помощь, защитить ее от грабителя, от медведя, хоть от самого черта.

Нина, скользнув взглядом по книгам в кабинете, вышла в коридор и на секунду замерла возле соседней двери. Мастерская. Ее мастерская. Она толкнула дверь и, стоя на пороге, осмотрела все, что там находилось. Недостаточный коридорный свет проявил контуры ряда рам, мольберты, скрученные рулонами холсты. Она не была здесь много лет – с того самого дня... Вот только так: открывала дверь и смотрела, не переступая порога. Домработница раз в неделю убирала там пыль, ничего не переставляя, ничего не трогая. Это наставления Виктора. Ее "это место больше не интересует". Закрыв дверь, пошла вниз, сопровождаемая кошкой, идущей важной походкой. Листая каналы на телевизоре, глядя в экран и попивая вино, Нина погрузилась в тоску и воспоминания, перебирая кожаные складки на теле кошки.

–Ты же понимаешь, что я никогда его не заменю, как бы ты этого ни хотела. Мы все знаем: он неповторим! Ты знаешь, я и Мартин. Последний так вообще прекратит какие-либо отношения и с тобой, и со мной! – Виктор был разгорячен, он и слушать не хотел Нину. – Я понимаю, ты "гибнешь", тебе нужен мужчина, но кто угодно, только не я. – И уже мягче: – Это плохая и безнравственная идея, мне страшно слышать это от тебя, Нина.

–Если это и будет кто-то, то только ты! – дрожащим голосом сказала девушка, глядя на холст известного сюрреалиста. Сейчас ее безумно красивые глаза были темны, как океан. – Пойми, Виктор, это решение не спонтанное: я долго думала, качая чашами весов, мне это решение далось нелегко, но оно осознанно, поверь. Именно такой реакции я ожидала от тебя... Но посмотри, я умру, не приняв никого... А в вас – в тебе и в Мартине – есть частицы его, вы знали его и были... одним целым... – Голос Нины колебался, девушке с трудом давались слова, но Виктор был непреклонен. Она стерла слезы. – Я знаю вас с того времени, как его. Вы всегда были в нашей жизни, в моей и... Я говорю с тобой об этом, потому... потому что Мартин – он такой..., ну ты знаешь, – кусок льда с правильно построенными предложениями и конструктивным складом ума... А ты, ты похож на Поля. У вас схожие черты характера, личные качества, я и раньше замечала. Прошло столько времени... Я утонула в трауре, а мне хочется плыть, хотя бы всплывать иногда к поверхности обыкновенной жизни с заботами, ласковыми руками, любимым взглядом, пойми... – Здесь она допустила ошибку: – Если бы Поль был здесь, он бы поддержал мою точку зрения.

–Нет! – холодно и четко отрезал Виктор.

Он отвернулся от девушки, скрючившейся на диване и впервые увиденной в таком состоянии, и прошел к выходу. Он сел в машину и уехал.

Нина никогда не решилась бы на этот разговор, но мама, ее мама, не выдерживающая вида мучающейся дочери и той принципиальной категоричности, что не щадя точила червем

дочь, ее Ниночку... Труд ее и отца, с которым жили врозь втайне от дочери, ненависть друг друга. Когда девочке было пять лет, два заклятых врага поклялись, что будут вместе ради благополучия единственной и одаренной.

Отец не дожил до этих дней. А мать просто требовала любых действий, но только чтобы дочь вытащила себя из кошмара. Новый дом, работа, новые увлечения, возвращение к искусству, наконец, новый мужчина, да хоть молочник, живущий за два дома от матери.

"Заполни вакуум, все встанет на свои места, или я и ты встанем у окна психушки с внутренней стороны, а то и того хуже..."

«Нет!» – так же категоричен был ее ответ матери.

Но Нина и сама понимала, что надо искать выход. Дом она не покинет однозначно. Этот дом – их мечта, здесь все связано с ним, и вести сюда другого... Невыносимо думать об одном и быть с другим при этом... "Вот только если этот другой – не на сто процентов другой и чужой для меня, для этого дома, для Поля, в конце концов..."

– Нет? – Мартин холодно смотрел сквозь очки на Виктора днем позже после разговора. – Нет! Ты слышишь резкий звук от этого слова, мой друг?

– И что? – Виктор недоумевал.

– Вопросом на вопрос, – как бы невзначай подметил Мартин. – Нет! – Он закрыл глаза. – Как часто мы слышим слово "нет"? Слово абсолютного отказа и слово непримирения. Сколько войн началось со слова "нет", разрушений... Или еще одно "нет": Нет расизму! Нет геноциду! Нет ядерной войне! Обрати внимание, как же категорично звучит здесь "нет"!

– Я слышу, – нетерпеливо сказал Виктор, знающий демагога «живущего» в его друге.

– «Нет!» – это негативное слово, и оно несет в себе отрицательную энергию, которая и так поражает наш мир. – Мартин дирижировал рукой в воздухе. – «Да!» – вот слово, приятное для слуха. Слово «да» дает силы, дает миру мир! «Да» дает шанс чему угодно. Вслушайся! «Да» говорит счастливая влюбленному. «Да» говорят они во время венчания...

– Послушай, – не вытерпел Виктор, – это что, твое мнение?

Мартин прервал "симфонию". Опустились и руки "дирижера". Откинувшись на кресло, он прикрыл глаза.

– Как трудно моделировать понятие мыслями человека, неразвитого в сфере высокого...

– Идиот! – прокричал Виктор и вышел из полупустого бара.

Мартин еще полчаса сидел в той же позе, пока его не растормошил бармен.

Звонила мать. Нина не поднимала трубку, зная, что речь пойдет о состоявшемся разговоре с Виктором. Она с ненавистью смотрела на трезвонящий аппарат, видя направление мыслей матери. Если она не поднимет трубку, значит, понятно: ответ Виктора отрицательный. "Тогда зачем она звонит?" – Ей вдруг стало тошно от доброй материнской заботы. – "Только не сейчас, мама!" Внезапно телефон перестал звонить.

– Она поняла! – Нина свернулась под пледом, глядя на подсвеченные лампочками фотографии со скачек.

Откуда-то из глубины вырвалась нотка ненависти к матери за нецелесообразную идею. К самой себе – за опрометчивый шаг, приведший к глупому положению. Даже к Виктору.

"Хотя к нему-то за что? Молодец, поступил как деликатный человек!"

Виктор позвонил сам, сказав, что должен приехать объясниться. Он объяснял, путаясь в словах, сказал, что долго размышлял и пришел к выводу: они могут попробовать, но если из этого ничего не выйдет, то она, Нина, не должна его осуждать. И еще: если в разговоре, во взгляде он обнаружит тень тоски и воспоминаний по Полю, то они с общего согласия, оговариваемого сейчас, расстанутся, и она звонит ему только тогда, когда состояние ее "улучшится".

"Так будет лучше, не надо спешить ни в чем... Ты должна понять меня тоже: для меня это совсем не просто..." Это все, что сказал он. "Да." Это все, что сказала она. Он перезвонил через два дня и предложил неплохой ресторан.

В первые минуты все было угловато, вероятно, мешала смена статуса по отношению друг к другу. Постоянно возникали неловкие ситуации.

Но уже после первого свидания Виктор перебирал в памяти лирическую картинку ужина. Он обнаружил для себя множество плюсов в "своей новой знакомой". Конечно, не выходил из головы надолго его друг, но ее взгляды и слова, звучащие по-новому, касание рук... Все это заставляло забыть о многом, ведь они хотят друг другу только хорошего.

Нина, хоть и попала дома под "пристальные взгляды" Поля с фотоснимков, в целом была довольна прошедшим вечером и уверила себя, что постепенно, шаг за шагом, все станет на свои места. Ведь никто не предан: в памяти обоих Поля живет и любим.

Конечно, полного счастья они не смогли обрести. Их отношения постоянно преследовала тень Поля. Возникали между ними и эмоциональные штормы, и тихие штилы. Но для нее, для Нины, это был "чудовищный прогресс". Так охарактеризовала их отношения мать Нины, увидев впервые по прошествии нескольких лет счастливые глаза дочери. Если Нина через год возьмет и кисть в руки, то она со спокойным сердцем может ступить в могилу. Но Нина не смогла вернуться к своему призванию, так как больше всего на свете она боялась, что из-под кисти на холсте начнет появляться образ Поля. А она не была уверена, что напишет его таким, каким хранит его ее сознание.

Нина вырвалась из объятий воспоминаний. Взгляд на часы. Поборола искушение – плеснуть еще в стакан. Горячий душ. Зарылась в пуховом одеяле. На прикроватной тумбочке – в величественной позе гордая кошка с глупым прозвищем, но со знатным названием породы.

Нине снился конкур. Ровная травяная площадка. Она в белых бриджах, куртке и шлеме, на черном чистокровном арабском скакуне выполняет прыжки через препятствия. Делает это легко: конь буквально слышит ее мысли. Они двигаются по маршруту, берут препятствие из шлагбаумов... Преодолевают каменный колодец... Периферийным зрением она видит среди зрителей что-то, не совместимое с публикой. Она и не заметила, как конь свернул с маршрута и понес ее в сторону. Он уносил ее, а она все сидела и смотрела в глаза огромному белому волку, которого не замечали окружающие. Зверь, задрав голову вверх, завыл протяжным воем. Конь под Ниной на ходу развернулся к ней и человеческим голосом возмутился: "Куда смотрит секьюрити – волк без билета".

Нина открыла глаза. Пуховое одеяло создало эффект печки, во рту пересохло. Она услышала звук: вьюга – мелодия зимнего ветра – с воем прорывалась сквозь пластик окон. Еще звуки. Тетя царапает стекло окна, широко раскрыв рот.

–Тетя! Кис-кис-кис...

Ноль эмоций. Нина подошла к окну. Огромная луна висела в небе, мириады звезд мерцали, утопая в своей глобальности.

–Откуда вьюга? – Она смотрела на застывшие деревья под окнами – ни малейшего колебания.

Нина непроизвольно взялась за ручку окна. Кошка наблюдала за движениями хозяйки. Мягко щелкнула ручка, окно открылось, впуская в комнату протяжный тоскливый вой. Волосы зашевелились на голове девушки. Кошка, принохиваясь и широко открывая пасть, шипела. Нина в одной ночнушке куталась в занавеску, понимая, что это не выход. Но этот вой – он не отпускал. Она впервые столкнулась с подобным явлением. Импульс закрыть окно отпал сам. Нет не сам – она услышала песнь в протяжном вое. Ей захотелось просто стоять и слушать убитого печалью дикого зверя.

Прервал все звонок. Нина, захлопнув окно, ответила.

–Алло, Нина! – встревоженный голос Густава. – Мы выезжаем, все в порядке?

–Нет! Не надо. Все хорошо. Просто дико воет волк, а я забылась и открыла окно... Простите меня...

–Ну и переполошились мы! Точно все в порядке? Мы не нужны?

–Нет, спасибо, все в порядке...

–Тогда спокойной ночи! Если, конечно, она может быть спокойной...

–Да, и вам...

Она вслушивалась, но это было не обязательно: Тетя стояла в прежней позе – опершись передними лапами на стекло, и хищно открывала небольшую, но клыкастую пасть. При этом она фыркала – признак недовольства и враждебности.

"Как странно: полный тоски вой дикого лесного зверя, так раздражающий кошку, почему-то волнующе действует на меня... Не сказать, что я прямо в восторге от чудовищной песни, но открывая окно..."

Вдруг Нину всю передернуло: только сейчас она ощутила, что ее трусики мокрые. Ее заколотило не от того, что она "потекла" – возможно, это случилось во сне. Забегав в душ при спальне, стоя под теплой струей воды, она поняла: "Я испытала чувства, сродни тем... Боже, как это было давно! Тот сладкий мандраж, перемешанный с прерывистыми потоками адреналина, страха перед неизведанным желанием. Первая ночь – такая долгожданная, такая ломкая, путанная, первая с человеком, которого действительно хотела впустить в себя. За эти секунды, пока было открыто окно, этот вой, пройдя через уши, через области мозга, коснулся тех мест изнутри, которых касаются обычно, доставляя удовольствие... Что со мной? Это, блин, впервые, но это так приятно. Дорогая, это ненормально, это отклонение! Какое нафиг отклонение?.."

Выходя из душа и торопливо вытираясь, она думала об одном: "Только бы еще раз раздался этот вой, только бы охранники Густава не приехали сюда на рычащих джипах и не спугнули зверя, дарящего наслаждение дикой лирикой!"

Нина застыла посреди комнаты. Ноги в одно мгновение отяжелели. Кошка сидела в позе, оправдывающей имя ее породы, застыв так, словно за спиной ее выстроились пирамиды, глаза пусты.

"Мираж, галлюцинация, шизофрения?" – вихрем пронеслось в голове. Но чувство наслаждения, тот пьянящий восторг, все еще циркулировали в теле. Она не могла ошибиться. Только не теперь и только не в этом. То, что не приходило давно, посетило ее именно в той форме, в той пропорции, необходимой ей, и все еще теплилось в ней.

Резко развернувшись, она отправилась в мастерскую – взять кисть и короткими мазками на холсте выразить всю гамму ощущений, бурлящих в ней! Размытыми оттенками добавить агрессию или нет – насилие! Пройдя по коридору, она открыла дверь святая святых и... ее решительность вместе с ней остановилась на пороге, как вкопанная. Темные силуэты в мастерской – накрытые тканью принадлежности – мгновенно сломали желание.

"Какой нелепый порыв, схожий со стремлением вернуть бумажного змея, оторвавшегося и беспризорно парящего в небе. Нет! Это сумасшествие! Ты перестала трезво мыслить... Какой-то короткий миг фантазии слился воедино с простым звуком, издаваемым диким зверем. И ты уже готова броситься без оглядки в зимний лес прямо из окна навстречу музыкальному инструменту с острыми клыками и накидать на холст аллегория случайного оргазма".

Девушка тихо рассмеялась и побрела в комнату, закуталась в одеяло, бросив взгляд на не сменившую позу кошку. Нина напрягла слух, разочаровавшись, закрыла глаза, хихикнула и быстро заснула. Тетя развернула уши в сторону окна, укусила себя за спину и уставилась в никуда. За ней вдалеке виднелась верхушка горы, усыпанная снегом, освещенная сферой луны. Хорошо просматривался только пик. Мистически и магически выглядел он, безукоризненно в геометрическом смысле выступающий из черноты неба. Остальная часть горы окутана темной дымкой, возможно, испарением водных потоков.

Вот что нужно писать представительнице богемы, вдохновленной чувствами, ведь она как творец должна дать нам, ценителям прекрасного, то ощущение понимания, насколько приблизился художник к идеальному совершенству в подражании природе. Это ощущение – спо-

способность, которая приобрела над нашими образами жизни, чувствами и мыслями такую власть, что подражание природе часто волнует нас не меньше, чем сама природа. Способность эта и есть разновидность чувства, ибо тот, кто восхищается шедеврами искусства, восхищается ими, потому что тотчас постигает совершенство и чувствует, что сам в глубине души воспринимает природу так же. Так считал Пьер Симон Ламанш, но он спит вечным сном, хоть мысль его жива. Впрочем, и нашей героине стоит пробудиться, стряхнуть остатки сна и, возможно, изобразить то, о чем мы думали. Впрочем...

Нина пробудилась около десяти. Кошка топталась на постели, требуя немедленного подъема. Девушка потянулась, улыбаясь солнечному свету, позволившему себе войти в ее комнату. Вспомнив ночные происшествия, она счастливо улыбнулась, сверкнув двумя крупными ультрамариновыми глазами. За окном снежная поверхность искрила, отражая солнечный свет. Вдалеке виднелась гора, белая и величественная, по краям изъезжена, сотворенная природой – деревья. Разглядывая пейзажи, Нина обратила внимание на пятна на стекле – кошка опиралась, когда был волк. "Бред!" Душ до прихода домработницы!

Марта убиралась три раза в неделю. Неувядающая и неунывающая женщина сорока пяти лет жила неподалеку с мужем, работающим в команде Густава. Охраняли секретный объект, где играли в карты и обсуждали вылазки в город, совершаемые всей командой раз в две недели – повышение квалификации.

–Представляешь, он после этих повышений квалификации предлагает мне кое-какие инновации! Нет, я конечно, не против... Ты понимаешь, о чем я! Но кто преподает это в учебном центре охраны?

Нина дружила с Мартой, несмотря на расхождения в возрасте, образовании и мировоззрении. Добрый, открытый и понимающий человек – такая редкость в этом мире! Разбрасываться такими персонами – непозволительная роскошь. Марта, пробежавшись от забора по морозцу, захочет выпить чашку ароматного чая перед работой. А за чаем изложить последние вести окрестностей. Ей известно, что Нина черпает локальные новости только из ее источника, и поэтому всегда старается собрать все самое свежее. Ведь Нина жила в дорогом доме, выстроенном в глухом и причудливом месте. Ее благоверный мотается в город за сто миль с гаком, она держит обузой коня, содержит ненужные помещения в момент, когда должна радовать мир своей красотой, лучами глаз, тонкой грацией... а она торчит в этом доме, куда, возможно, и нужно приезжать только летом на месяц – скрыться от шума мегаполиса, устав от бесконечных выставок и презентаций. Более того, она губит свой талант...

–Тетя! Пошли встречать болтушку...

Кошка воспринимала Марту как необходимость: ну и что из того, что та кладет корм ей в миску? Симпатии к домработнице столько же, сколько к стулу. Поэтому, когда Марта вошла вместе с морозным воздухом, кошка больше обратила внимания на зимнюю стужу – подергала лапами.

–Как ты? Девочка, ты не очень испугалась? Давай рассказывай! – Марта растирала щеки, втягивая запах разгорающихся дров в камине и заваренного чая. – Я была у Мальборо, он не напуган. Бросила бобового сена. Кашу дашь сама! У других животные «в мыле»: в двух домах отсюда его видели в окно. Тебе еще повезло... Говорят, здоровенный, как лошадь. Твой звонил... Я слышала, ты сегодня одна. Как ты выдерживаешь это? Не молчи! – И она встряхнула задумавшуюся Нину, застывшую с чайной ложкой в руке.

Нина, словно пробудившись от ночного сновидения, положила руку на предплечье Марты.

–Извини, просто представила волка размером с лошадь.

–А, ты про это...

Нина, услышав про Виктора, вспомнила, что он не позвонил – значит, приедет. Она знала его ходы. Он узнал от Густава о сработавшей сигнализации, о волке, переполошившем округу.

Ее чуткий мужчина не позвонил, отложив все дела (линейку новых двигателей для скутеров, все цеха и совет директоров...), уже накупив всякой всячины и обязательный презент – между сюрпризом и подарком, – ловко объезжая пробки, мчится к ней. Такого успокоения и нежной заботы хотела бы любая невздорная и трезво мыслящая вторая половина. Такого внимания хотела и она, но вчера... Теперь же, в момент монолога Марты, девушка почувствовала: больше всего на свете хотела бы, чтобы Виктор не приехал: не смог по делам, улетел на слет генеральных, сломался джип, наконец...

–Йогуртовое с вишней?

От вопроса Нины веяло риторикой. Марта – сладкоежка с фигурой, не заплывающей от сладкого. Пирожные в доме – только для нее. Самой Нине нравилось оформление и отзывы о них.

Марта в свое время защищала цвета нации и все еще гордилась крепкими ягодицами – "ночными забавами Миши". Рыжая от природы, без единой веснушки даже весной, кожа морковного цвета. Чуть вздернутый нос, светло-карие, к зрачку золотистые глаза. Нескончаемая энергия. Отражение всех ощущений и представлений на лице.

–С вишней!?!– Ее глаза закатились. – Не забывай, у меня еще куча работы. Когда прекратишь меня баловать?

–Никогда! – улыбнулась Нина и спросила между прочим: – Так что там лесное чудище?

–А, ну... Что ты не знаешь? – Марта махнула рукой, слегка треснув по мордочке кошку – она отвечала той же симпатией Тете. – Наши соседи от тебя до нас и дальше изрядно пополнили запасы "удобрений" для своих хозяйств – возможно, летом будет неплохой урожай. Все, что я слышала от Миши, – это то, что Густав звонил егерю, ответственному за эти места. Не помню, смешное имя – Одуванчик или Репей... Охарактеризовали его как знатока своего дела, заворачивающего медведям нос за уши и находящего иголку в стоке сена.

–В стоге сена, – нежно поправила Нина, тонким пальцем стирая крем с уголка губ Марты.

–Да, да, в нем, – подтвердила Марта, подставив лицо Нине, словно Клеопатра – гримеру перед финальной любовной сценой.

–Кривляка! – Голос обладательницы сине-зеленых глаз убаюкивал.

–Да! – подтвердила Марта. – Миша перекопал наши сараи, вылез оттуда с ржавыми цепями, капканами..., пометил участки, где нельзя ходить, и помчался в город за "более крупным калибром", хотя патронов в доме разве что у меня в нижнем белье нет, хотя... Он постоянно переговаривается с начальником по рации, я слышала слова: «растянуться», «периметр», «опасный зверь» и «чрезвычайное положение». Он, по-моему, сегодня в постель ляжет не ко мне, а к своей винтовке!

–А ты, – мурлыкнула Нина, – ты его слышала?

Марта выразила удивление, напряжение памяти, недоумение... И еще интерес.

–Знаешь, – начала она медленно, – когда мой утомился, я, ворочаясь, слышала его... Да! Мне показалось..., так мне показалось, что он зовет и зовет, так притягивая, завораживая... – Хозяйка рыжих волос, стянутых в узел, откинулась на стуле и сказала вдруг шепотом, сделав круглые глаза: –Знаешь, я пошла бы за ним, но была вымотана, как после длинной дистанции. Уснула...

Нина рассмеялась.

–Ладно, пойду, покормлю нашего буяна.

–Точно! Ты меня заболтала. – И она загремела в шкаф пылесосом.

Нина схватила термос с кашей и вышла навстречу колючему воздуху и яркому солнцу. Она обожала заходить с мороза в тепло, но ей нравилось и пьянеть от врывающегося в легкие морозного воздуха. Это напоминало детство, зимние забавы со школьными подругами и друзьями, веселые рождественские каникулы. Тогда было много подруг и друзей, мало забот, ноль тоски и жизненных стрессов. О чем нельзя сказать сейчас.

В подсобном помещении содержался единственный конь. Всегда резали ее слух названия "конюшня" или "конский дом", но теперь было все равно: она приходила к нему. К Мальборо. Крупный конь с сухим телосложением, крепкими и сильными ногами. Голова с прямым профилем, длинная шея, кожа покрыта черным с фиолетовым отливом коротким и блестящим волосяным покровом. Короткая стриженная грива и негустой хвост. Чистокровная верховая порода, производная от арабской чистокровной.

Пахнущая овсом и льном каша. Закрыв термос и разгибаясь, Нина уперлась головой в нюхающего ее волосы коня.

–Ты...– Она провела рукой по волосам. – Ты напугал меня.

Конь положил ей голову на плечо, горячо дыша в ухо и слегка помахивая хвостом.

–Что с тобой, мой хороший? – Она нежно погладила коня по шее. – Тебя тоже напугал этот ужасный вой?

Мальборо заглянул ей в глаза, затем принялся слегка бодать ее – требование погладить особую точку, находящуюся между глаз. Когда-то конь мог часами, закрыв глаза, принимать это проявление ласки. Когда-то...

"Что с конем? Не помню, когда он был так нежен. Лет сто назад. Когда еще Поль... Видимо, действительно был напуган ночью, а сейчас рад моему приходу".

–Не переживай, мой мальчик. – Она, задрав губу коня, взглянула на безупречные зубы. "Крупный жемчуг Поля" – она вспомнила зубы своего мужчины, его улыбку и с грустью сказала: – Они прогонят его обратно в лес, и будешь спать спокойно.

Конь смотрел так, словно понимал слова, произнесенные мягким голосом. Раздался звук въехавшей на территорию машины.

–Позже погуляем, милый...

«Создать видимость помощи Марте! Разобрать в мастерской... Вдруг в голову взбредет поработать!» Нина всем своим сознанием не хотела оставаться с Виктором наедине. «Откуда взялось такое чувство? Еще вчера ждала его и хотела. Представляла, как будет лежать в крепких, но нежных объятиях. Что с тобой?"

Она покинула сруб в русском стиле, собранный без гвоздей, закрывая второпях массивную, но легко идущую дверь. Она опоздала: джип Виктора стоял у входа в дом. Коробки, пакеты. Она попала в объятия, замком закрылись за спиной его руки.

"Не испорти все, девочка!"

Затяжной поцелуй.

–Холодно... Ты ехал целую вечность. – Мягкий укор с долей нетерпения. – А мои ножки чуть не отгрыз злой и серый волк...

–Забудь о нем, как о страшном сне! – Взгляд в ее искрящиеся на солнце глаза. – Его больше нет, пошли в дом... Я не могу больше ждать!

–Я тоже, но Марта...

–У-у-у! – В этом прозвучала досада.

–Ожидание обостряет чувства! – игриво смеялась она.

Досада Виктора раскрыла замок его рук. Она, схватив его за пальто, потащила в дом.

–Не падать духом, солдат, тебя ждут дома! – Она продолжала игру. – Кто-то обещал большую трепку?

–Какое-то трепло...– Он ввалился в дом за ней. – Не я!

"Ни капли тоски! Он прочтет меня. Ни капли..."

Молчаливый смех. Шкаф с верхней одеждой. Игра наперегонки возле него. Она смеялась глазами, он тоже это умел. Она знала, что он знает ее, но не могла нащупать грань между игрой по ее правилам и его реальным поведением, когда он нежный, заботливый, классный.

К своим тридцати годам Виктор имел контрольный пакет акций предприятия по изготовлению двигателей и комплектующих для корпорации, строящей водные мотоциклы. Совладе-

лец аквапарка в полумиллионном городе. Как и большинство людей, ведущих деловой образ жизни, он посещал клуб, фитнес зал. Стильная одежда, как и подобает деловому мужчине.

Черные, как смоль, волосы, карие глаза и квадратный подбородок, делающий лицо волевым. Даже сросшиеся на переносице волосы и шрам на левой щеке не портили смуглого и приятного мужчину. Девушки скромные отводили глаза, а те, что понаглее, были не прочь хотя бы временно поддержать этот экземпляр в своей коллекции. Но, увы, он был влюблен, счастлив, можно сказать, жил для нее, жил ею...

Оставшуюся в себе любовь он делил еще на две части: пылко любил карьерный рост, сколачивание капитала и... себя самого. А кто себя не любит? Известным его изъясном было то, что при всем своем великолепии и умственных способностях, деловой хватке, он мог растеряться перед лицом серьезной проблемы и начать вести себя как ребенок. И дилемма с Нининым предложением – жить вместе – была не единственной.

Марта работала наверху. Остался холл – он всегда последний. Виктор сканировал телевизионные каналы, наблюдая, как она накрывает на стол. До этого – вздохи и ахи Нины с кривляньями над купленными безделушками.

Поль тоже любил наблюдать за ее деятельностью. На ее выставках и в мастерской. Даже некоторая мимика, жестикуляция и частично смех Виктора напоминали Поля. Внешне не многим: карие глаза, черные волосы. Но больше манеры. Так бывает, когда люди долгое время вместе, а эта троица, включая Мартина, – с подросткового возраста. Нет, ну Мартин, конечно, – уникум. Он вряд ли станет похожим на кого-либо. А на него – не сможет никто. А эти двое... Неизвестно, кто от кого что впитал, но они были схожи.

Стерта пыль с винных бутылок из погреба. Окончание сервировки стола. В процессе – улыбка каждому его взгляду.

"Странно, почему я не хотела его видеть? Что за наваждение? Как он похож на Поля... Тише! Это может отразиться на лице, в глазах... Мы счастливы и не можем существовать друг без друга! Это счастье? Любовь? Или заглохший инстинкт? Тише..."

Еще одна улыбка. Улыбка мужчины в ответ. Украшение десерта как последний штрих.

–Ты голоден? – ее мягкий интерес.

–В каком смысле? – Виктор все еще улыбался.

–Попробуй догадайся!

–Я не завтракал с утра! Только кофе и шоколад...

–А-а! – понимающе удивилась Нина.

–А остальное ты знаешь. – Переключив канал, он смотрел на нее.

Спустилась Марта с принадлежностями и приветливо подмигнула Виктору.

–Да, Марта, доброе утро!

–Да, Марта, – повторила эхом Нина, – покушаешь с нами?

–С удовольствием! – Домработница поняла игру подруги и, стрельнув золотом глаз в Виктора: – Но не в этот раз.

Марта продолжила шествие, не обращая внимания на атаки Тети из-за решетки кошачьего дома, причина – Виктор. Звук пылесоса в холле.

–Это кровавая месть за вчерашнее отсутствие? – Виктор имел в виду предлагаемую трапезу с Мартой.

–Ты не любишь ждать? – Девушка, улыбаясь и не поднимая глаз, раскладывала приборы. – И я!

–Было страшно?

–Было... Было, как никогда не было! – Нина, краснея, сменила тему: – Ты хочешь, чтобы я это надела?

–Белье? – Он привез сиренево-прозрачное. – Ты проницательна, – вдруг засмеялся он. – Рушишь стереотипы об интеллекте блондинок.

–Хм-м. Отличная новость...

"Тогда я буду мучить тебя наверху и царапать тело, замирая в экстазе... Попробуй пикни!"

–У меня все готово, милый, всего секунда...

Пакеты с крикливыми названиями магазинов. Душ. Сиреневое, сверху – легкое вечернее платье. Воздушный макияж. Еще стоя под контрастом душа: "Что с тобой? Это твой единственный мужчина. Ты так хотела быть с ним... Резиновая тоска... Не дай ей засосать себя обратно в трясину. Посмотри, какая приятная девочка со счастливыми глазами! Ты создана любить. Люби и будь любима! Он ждет внизу, раздели с ним чувства!"

Лестница. Легкое платье, развеваясь на ходу, открывало ее красивые ноги. Внизу – отсутствие Марты. Растопленный камин, зажженные свечи и однозначный взгляд Виктора.

–Восхитительна! – Поцелуй в щеку.

–Да!

Открытие вина под пристальным взглядом. Вместе весь день, весь трепетный вечер, всю ночь. Только спускались за вином и фруктами. Истинный джентльмен: не оставил ее дома одну в то время, когда поблизости бродит дикий зверь.

Она превратилась в дикую волчицу, неистовую и страстную. В момент полуночной близости раздался едва слышный волчий вой за окном, она "подхватила" его, подпевая стонами и криками.

Нина расцарапала его спину и, лежа на мужской груди, незаметно лила горячие слезы на горячее тело. Шок Виктора от дикого воя и безумного секса. Нечувствительность к боли в забытьи в момент прекращения воя выстрелами карабинов. Нина впилась мертвой хваткой в плоть, словно волчица, пораженная выстрелами.

Вьюн два дня дома безвыездно – внук в гостях. Любимая работа отошла на второй план. Белоголовый мальчуган с синими озерами глаз, не по-детски возмущен тем фактом, что Деда отвез "Люти" в лес.

–Домой! Дом Лютого – лес! – хохотал Вьюн. – Он обещал прийти к тебе в гости.

–Люти! – негодовал Марк от горечи расставания, отодвигая тарелку с ужином.

–Марк! – с укором смотрела на мальчика мать. – Расстроил его, папа! Знаешь же, как они привязались друг к другу.

–Не буду, – смеялся Вьюн. – Тот не будет один – нас всю дорогу сопровождал огромный ворон, и в лесу они направились в одну сторону.

–Как странно. – Анна вытирала рот мальчику. – Такие две несовместимости. Как это возможно?

–Как? – Вьюн сел чуть в стороне, на покрытое шкурой кресло, и пыхнул трубкой. – Ты забыла, что это за место? Сплошная "аномалия"!

Он произнес с гордостью это слово. Анна молча кормила мальчугана и поглядывала на отца.

–Когда Марк подрастет, я покажу ему все местные чудеса... Даже все семь известных не смогут сравниться с ними! Каскады водопадов с сотнями радуг, пещеры со сталактитами и реку, выходящую из недр скал, не замерзающую в лютую стужу и убегающую никуда. Покажу Гору, чьи склоны имеют неестественно ровную поверхность и математически точные углы. И это только толика – есть вещи, которые можно только наблюдать и нельзя говорить о них. Существует период времени, когда солнце на закате заливает светом местность столь насыщенно, что кажется – нет места, куда бы не проник багровый "густой" свет. Есть точка в лесу, в которой, когда пылающее светило заходит за Гору, создается визуальный эффект, что стоишь в пустыне неподалеку от древней пирамиды Египта...

Вьюн выпустил облако ароматного дыма. Анна благополучно отправила мякоть пирога в открытый рот Марка, не сводящего глаз с деда.

—... а западная сторона Горы покрыта зеленью диковинных деревьев и кустарников, некоторые отсутствуют даже в каталогах. Птицы... Птицы удивительной раскраски. Их песни разноголосьем сливаются в мелодию леса... а звери? Сказка! Что там Люти...

Марк оживился при упоминании друга.

—Папа! — в голосе дочери опять упрек. — Ты так там все исследовал, я понимаю, интересно... Но в одиночку не страшно?

—Понимаешь... — он задумался, — там каждый раз все открывается по-новому, это не передать!

Марк, слушая вечернюю сказку, заснул на коленях матери. Мгновенно проснулся, услышав стук дедовской трубки.

—Люти... — сквозь сон позвал мальчуган.

—Нам пора. — Анна одевала полусонного Марка.

Вьюн проводил их воспоминаниями об Аномалии и любимой работе.

—Я жду вас через две недели! — Поцеловал дочь и спящего в детском сиденье автомобиля внука.

—Мы будем...

Внедорожник, буксанув, выбросил струю снега из-под колес и покатил, светясь габаритными огнями.

Вьюн отправился подготавливать подкормку для зверей. Загрузил в кузов гибрида. Покормил домашних животных. Книга и трубка перед сном.

На следующее утро егерь отправился на подкормку диких животных. Он не ограничивался одним-двумя видами. Вьюн помогал перезимовать кабанам, лосям, зайцам и малочисленным благородным оленям. Птицы не оставались без внимания. Ему это было в радость. Не раз, знакомясь с литературой специфического характера, он был удивлен, читая как заблудшие животные погибали в снегах возле набитых пищей кормушек. Ему не нужно было раскидывать корма в десятках метрах от кормушек, развешивать пучки сена, чтобы направить животных в нужном направлении. Звери сами, не пугаясь ни новых кормушек, ни построенных для хранения корма сооружений, приходили и ели оставленные им подсолненные запасы сена и другие лакомства. Он устанавливал подкормочные участки в районах зарослей еловых деревьев, облегчая подход зверей к пище: снежный покров минимален. Остальные предосторожности и нюансы прививания к кормушкам отпали сами. Возможно, это влияние Горы. Так или иначе, это облегчало трудовые будни.

В этот день, посетив ареалы обитания косуль и разложив корма, он услышал звонок, эхом разнесшийся в морозном воздухе. Он был удивлен: дочь с внуком добрались до дома еще вчера, на этот телефон редко кто звонил. Это был прорезиненный аппарат с усиленной антенной. В трубке раздался взволнованный голос.

—Алло! Это Густав, начальник охраны «объекта 57». — Он кашлянул. — Вы помните меня, ...Вьюн? — Многие малознакомые с трудом произносили его имя.

—А это охотовед местного заповедника, — в тон ответил Вьюн. — Конечно, я помню вас, Густав, и вашу прицельную стрельбу!

Вьюн не видел охранника, но знал, что поразил цель. Добряк Густав должен был рассмеяться. Когда «раскат грома» затих в трубке, исчезла тревога и в голосе Густава.

—Все еще помните!? М-да...

Как Вьюн мог такое забыть: из города приехали "шишки" и просто небедные люди — знакомые Густава. Отстрел дичи был приурочен к празднику. Бумаги в порядке, и егерь понимал, что разрешение для этих людей — формальность. Вьюн завез их в место, в котором отсутствовали звери. Проморозил их хорошенько, заставив влить в себя по несколько порций горячи-

тельного. Люди, не готовые к подобному развитию событий, быстро сдались, «заскулив» тоской по банкету, затопленной бане и девочкам. Это решило судьбу охоты. Но отказывался уезжать весельчак Густав, и, на его удачу, на группу охотников выбежал одинокий дикий кабан. Начальник охраны "объекта 57" стрелял как курсантка военного училища связи первого года службы, еще и в момент критических дней. Он вколачивал "гвозди" в стволы деревьев вокруг вепря, который удивленно взглянул на горе-охотников и скрылся в ельнике. Густав погрузился, услышав отзывы о результатах его стрельбы, и предложил стрелять на спор. "Банно-банкетные" охотники отрицательно замахали руками. Взгляд Густава остановился на смеющихся глазах егеря, который был не прочь развеять миф об искусстве охранника стрелять по недвижимым мишеням. И он развеял, чем окончательно расстроил секьюрити. Вьюн еще долгое время слышал: балагур не вылезает из тира, поговаривая, что заткнет за пояс Вьюна. Но, видимо, не представлялось возможности...

– Да, помню, – усмехнулся егерь. – Что стряслось? У вас озабоченный голос.

– Волки! – Голос Густава снова стал серьезным. – Вокруг наших домов всю ночь шастала стая волков... Общественность в панике! Жуткий ночной вой заставил понервничать многих. Люди боятся, Вьюн...

– Волки? – удивился егерь. – Не помню, как они выглядят... Да и что им делать вблизи жилищ? Хотя звери... И что, много их было?

– Одни видели двоих, другие говорят – пять, не меньше! – Густав сделал паузу. – Ночь, темень, ну и страх, сами понимаете...

– Да-да, – согласился Вьюн, всерьез задумываясь о проблеме. – Что ж, у меня работы на час, надо объединяться и действовать сообща... Наши звери – наши проблемы.

– Согласен! – обрадовался Густав. – Мы с ребятами сейчас на объекте и неплохо экипированы. Ждем вас и полностью вверяем ситуацию в ваши руки, полностью... Слышите? – Видимо, возникли проблемы со связью, хотя Вьюн слышал отлично.

– Я еду! Без меня ничего не предпринимайте...

"Волки! Не один волк. Не Лютый. Может двоиться и троиться в глазах от дикого страха, но не у нескольких же человек. Да и что делать волку здесь? Я увез его вглубь родных мест обитания, там его жизнь, его смысл... Нет, конечно, такое расстояние зверь может покрыть за сутки хорошего бега, но для чего? Он не настолько окреп... Рядом проходит железнодорожная ветка – не бог есть какое, но все же транспортное сообщение. Секретный объект, возле которого постоянное движение. Не понимаю, зачем? Там бескрайний оперативный простор для охотящегося зверя – зимующие животные... Где здравый смысл? Это не Лютый!"

Вьюн, конечно, не сказал никому, да и ветеринар – человек слова. Анна? Дочь в этом отношении – камень, есть в кого. Марк, маленький вихрастый внук? Но даже если он и скажет что-то, его не воспримут всерьез здравомыслящие люди: что может придумать мальчик, насмотревшись на головы и шкуры убитых зверей, наслушавшись рассказов в гостях у деда егеря...?

Однако Вьюну не хотелось, чтобы его обвинили в халатности и причастности к вандальному разграблению местных хозяйств. От одной мысли о потенциальных жертвах егерю становилось не по себе.

"Да и к лучшему, что это буду я. Смогу контролировать ситуацию".

Через полтора часа он около "объекта 57". Егеря ждали. Группа из восьми человек. Охотничьи ружья. Экипировка для охоты. На лицах гримасы воинов древнерыцарских походов, во взглядах ни капли жалости.

"Не хотелось бы попадаться на пути этих головорезов".

"Каратели лесных паразитов" стояли возле машин – таких же агрессивных внедорожников, как и они сами. Оглядев их, Вьюн двинулся навстречу добродушно улыбающемуся рыжебородому великану. Они пожали друг другу руки, как старые друзья.

–Что, все так серьезно? – кивнул Вьюн в сторону людей Густава. Тот взглянул на парней и погасил веселость.

–У половины из них дома в округе, жены и дети... – Он сделал паузу. – А вторая половина... Мы одна команда!

–Понимаю, – заспешил Вьюн. – Мне такие неожиданности самому ни к чему. На моей практике это первый подобный случай. – Вьюн оглядел лесные массивы, темнеющие со всех сторон. – Ну что ж, тогда надо начинать! Да и давненько не стреляли?

Вьюн толкнул в плечо Густава, и рыжая борода разомкнулась, показав ровные зубы и выпустив заразительный хохот наружу.

–Что есть, то есть...

Его люди, услышав смех начальника, переложили вес тел, сменив опорные ноги, но выражения лиц не поменялись.

"Воины!" – подумал Вьюн.

–Это хорошо, что у ребят личная мотивация: не дрогнет рука! – Густав кивнул, а Вьюн продолжил:

– Только ведь и это не сафари – тяжелая и серьезная работа. Предстоит короткий инструктаж, выбор тактики и полное подчинение.

–Для этого мы здесь и есть! – без тени сомнения заявил Густав.

Выслушав работников "объекта 57" – сборную солянку, объективного вывода Вьюн сделать не смог: преувеличение обстоятельств и паника их вторых половин брали верх над действительностью. Трезво поразмыслив, он предложил план операции, определив по услышанному точки возможного появления "клыкастых хищников". К некоторым из домов, которые не окружал плотный лес – так, перелески, – волки могли подойти, только находясь в диком отчаянии или уходя от преследования. Несколько хозяйств находились в непосредственной близости к лесу. Туда Вьюн и намеревался отправиться в последнюю очередь, изрядно потаскав "экспедицию" по сугробам. Парни Густава "съели" его план с таким видом, словно эта стая для них сто первая. Но обойдя половину намеченного, не найдя и следа от бешеной собаки, Густав и команда выглядели изрядно измочаленными в свете галогеновых фар. На очередном привале пар валил от них, как от загнанных лошадей, пот струился по лицам, исчезла безжалостность во взглядах. Только Густав, вторя движениям егеря, держался, но уже утратив веселость.

Вьюн, раскурив трубку, пытался вспомнить фамилию Ивана, заведшего врага в лес, чем, соответственно, и погубив. Султанин... Суданин... Сусанин!

Активность проявил Густав, предложил план: "Всем отдохнуть, перекусить, восстановить силы и ближе к ночи, разделившись на группы, отправиться к оставшимся домам, тем более, что в одном живет жена хорошего знакомого, чей муж волнуется не меньше всех нас".

"Ого! Кто этот мистер Х? Не муж ли симпатичной девчонки, что владеет конюшней, оставшейся после смерти первого мужа – жокея, чья смерть показалась Вьюну ребусом из-за потерявшегося следа, со слов газетчиков. Что ж, девочка и так пострадала, просто необходимо помочь!"

–Перед бедой все равны, – сказал он вслух. – А восстановление нам не помешает, это факт!

–Ребята поедут и поищут еще что-нибудь из снаряжения, а мы с вами... – Густав лишь секунду смотрел в глаза Вьюну, – заедем ко мне: жена ждет на ужин.

–Почему нет? – пожал плечами егерь.

На машине Густава с эмблемой, символизирующей безопасность, они двигались, выхватывая светом фар из темноты причудливые снежные торосы, "растущие" по краям дороги и бросающие уродливые тени. Мимо снежных опушек, прорисовывающихся в лесных массивах.

–Еще год назад списали старые снежные мотоциклы, – услышал Вьюн голос Густава, – а новые должны вот-вот привезти... – В голосе слышалось недовольство, высказываемое руко-

водству. – Как только забили тревогу, только тогда... – И тут же, словно оправдывая и начальство, и себя: – На объекте видеонаблюдение, а вокруг территории дорога идеальна...

Егерь понимающе молчал, не прерывая монолога: " ЧП – волки, живущие неподалеку от людей, они никогда не переходили границ, как, впрочем, и люди не покушались на их свободу и жизнь... Разве что в момент превышения популяции, но когда это было... Что случилось? Может, все-таки Лютый?"

– Вот и мои апартаменты.

Вьюн увидел резной забор. Низкий и не слишком прочный, скорее, декоративный. "Такой забор Лютый перескочит прыжком с места, теперь понятно волнение людей!"

– Только по дорожке!

И хозяин повел егеря по тропе, отмеченной карликовыми голубыми елками, освещаемой фонариками, к крыльцу большого дома.

– Капканы. – Густав открыл дверь, из-за которой пахло ароматом мяса и приправ. – Моя хозяйка не теряла времени зря. Моя опора. Как ее не охранять от волков?!

– Это точно! – Вьюн вошел в натопленный дом.

Через час они прибыли на место, согретые ужином и кофе с коньяком. Ребята выглядели посвежевшими и готовыми к работе. У двоих – термоса, привязанные к ремням униформы. Еще один парень вытащил из машины удивительные вещи – снегоходы. В прямом смысле слова пластиковые пластины с отверстиями в виде ромбов и ремнями креплений.

– Артур, что это? – удивился Густав.

– Нашел на чердаке, – улыбнулся в ответ парень с веснушчатым лицом. – Остались от отца.

– Молодец! – похвалил его начальник. – А?

Вьюн, взглянув на раритет, подергал ремень.

– Один-ноль в нашу пользу!

На коротком "брифинге" распределили роли: восемь человек, разбитые на две группы, держась на связи, обойдут возможные места появления зверей. При обнаружении следов устроят засады, при обнаружении волков – стрельба на поражение.

Два последних частных участка в пяти километрах друг от друга. Владения углублялись в лесной массив на несколько километров. Единственные пути сообщения – лесные дороги. На одном из поворотов Густав, притормозив, указал на владения, силуэт которых в черной мгле казался макетом, выставленным на белом снегу. Территория в виде подковы заполнена постройками. Сама подкова была освещена точками света, закругленная часть ее вплотную примыкала к темному, дикому лесу, который щетинистым горбом уходил вдаль за горизонты. Чуть левее поместья – силуэт Горы, от которой веяло мистикой. Над всем этим висела огромная и не дающая света блекло-желтая с серыми пятнами луна.

– Загадочное место, что ни говори, – Вьюн по-своему понял кивок Густава.

– Да, – вздохнул Густав. – Здесь и живет молодая леди, о которой беспокоится ее мужчина. Кстати, многому в плане финансирования в районе мы обязаны именно ему.

– Тогда мы обязаны ему помочь, чего бы нам это ни стоило. Да и район здесь непростой, насколько я помню, подъем этот скалистый, – и взглянув в глаза Густаву, продолжил: – Возьмем это местечко себе – мы и еще двое ребят. Второй дом – там низина, парни справятся.

Густав, согласившись, крикнул и отдал распоряжение по рации. Одна из машин, мелькая огнями, ушла вправо.

– Ребята с Артуром будут там, при необходимости придут к нам на помощь. – Густав повернул в сторону владений.

Через четверть часа они стояли возле высокого забора, фонари давали достаточно света. Расчищенная площадка возле ворот позволяла разместиться еще десятку автомобилей. Повсюду хищно торчали камеры наблюдений.

–Мы будем работать...

–Здесь предупреждены обо всем! – опередил его Густав.

Опробовав с ребятами снегоступы, он весело крикнул осматривающему местность Вьюну:

–А они держат!

–Ну и славно... – усмехнулся егерь и, закидывая карабин на плечо, направился к ним.

Проверив фонарь, Вьюн надел чудо-средство. Амуниция, которую помнил из детства: такие надевал ему отец, не доверяющий бесконтрольным перепадам сыновьей силы. До подножья лесного подъема метров триста. Пробуя на эффективность снегоступы, Вьюн прошел вперед и остановился, дожидаясь остальных. Вся группа выстроилась с решительными лицами. Вьюн хотел произнести что-то напутственное, но Густав его опередил:

–Да поможет нам бог!

И, словно в ответ ему, раздалось сверху, разносясь гулким эхом:

–Кар, кар! – И еще более протяжно: – Ка-а -а -р...

Вьюн вздрогнул, и мурашки скользнули по телу в районе шеи. Он взметнул вверх фонарь, включая его в движении, но не смог поймать лучом света источник звука.

–Тьфу ты! – выругался кто-то из парней Густава за его спиной.

–Плохой знак?

Вьюн, не дожидаясь ответа, возглавил процессию, с хрустом ступая по снегу. Процессия двинулась за ведущим.

"Лютый! Это все-таки ты, сукин сын! Какого хрена ты притащился сюда?"

Вьюн сжал зубы от злости. Опасаясь выражения мыслей вслух, продолжил сжатие.

"Для этого вырвал тебя из лап огромного зверя и объятий смерти, выхаживал дома, чтобы пристрелить во избежание человеческих жертв!? Что случилось, Лютый?"

Последняя мысль напомнила о внуке. Сердце заныло в груди егеря. Большое сердце, сердце взрослого сильного человека, заныло болью. Оно болело точно так же в день смерти жены, любимой Амалии, и еще... "Никогда! Никогда больше так не ныло! Что происходит?"

Кашель отвлек Вьюна от мыслей. Сам он ощутил, как мороз щиплет его привыкшее к стуже лицо. Температура резко упала – еще одно из аномальных явлений этих мест.

–Кар! Кар! – раздалось впереди.

–Вот дьявольская птица, что ж тебе не спится?! – балагурил Густав, веселя своих ребят.

Вьюн ближе всех шел к поместью, он смотрел на ошестинившиеся камеры наблюдения над забором. Ощущался подъем, уходящий плавно вверх, в уплотняющийся лес. Вьюн посветил фонарем по нетронутой поверхности, ища следы присутствия зверей.

–Ничего?

–Нет! – отрезал он не вполне дружелюбно.

Экспедиция двинулась дальше.

"Ворон хрипит во всю глотку – Лютый в курсе, что мы идем. Да и сам обладает тонким звериным чутьем, и вряд ли будет дожидаться пули, несущей смерть".

Еще несколько остановок. Вьюн осматривал девственно-чистую снежную поверхность. Через тридцать метров уперлись в крутой подъем. Здесь уже егерь тщательно обследовал местность. Остальные наблюдали за его действиями. Они четко усвоили: Вьюн – главный, и любое движение, действие – только с его разрешения. Вьюн действительно искал следы зверя, но Лютый не спускался сюда. В том, что это именно он, Вьюн был уверен на 99 процентов. Он даже успокоился, предчувствуя встречу с волком. Почему? Он не знал. Но знал точно, что во время восхождения на заросший деревьями подъем еще раз каркнет ворон. Снятые снегоходы он привязал к ремню, его примеру последовали остальные.

–Подняться есть где! – Указал Густаву фонарем: – Скала уходит вправо.

–Ага, – согласился Густав.

–Идем след в след! – Голос Вьюна зазвенел эхом в морозном воздухе: – Ждем, пока впереди идущий доходит до дерева, встает за него, и только тогда подымается следующий. Процесс поэтапный, и только четко выполняя его, мы поднимемся наверх. Это ясно?

–Да! – вразнобой ответили все.

Заработала рация. Артур докладывал Густаву: у них все чисто. Ни одного следа. Его группа выдвигается на помощь.

–Ждать не будем! Потеряем время. Неизвестно, чего ожидать от диких зверей. Подтянутся – пусть располагаются снизу.

Вьюн начал восхождение, зондируя на устойчивость поверхность снега. Нога держалась прочно, но егерь шел неспеша. Вставал за деревом, взглядом прокладывая маршрут. За ним следовали остальные, цепочка растянулась. Медленно, но они поднимались. Вьюн добрался до середины, когда снова заработала рация Густава. Егерь не разобрал слов. Четко рассмотрел несколько следов в свете фонаря левее от себя.

–Они внизу! – крикнул Густав.

–Один пусть остается, еще один уходит вправо под скалу, а оставшиеся двое – влево вдоль забора. Там метров через сто засядет один, через пятьдесят – второй... И тишина, хватит возни!

–Кар, кар, кар! – раздалось совсем рядом, чуть ниже – шорох веток и хлопанья крыльев.

Внизу раздался шум и приглушенные сдавленные возгласы. Судя по хрусту веток, кто-то сорвался и покатился вниз. Когда все стихло, внизу замелькали лучи фонарей. Слышен гул нескольких голосов.

–Что там? – спросил Вьюн расположенного ниже Густава.

Раздался треск раций.

–Люк! Скатился вниз... Он в сознании, но не может двигаться. – В голосе горечь и сожаление за головотяпство подчиненного. – Его надо отправлять.

–Пусть трое транспортируют его, кто покрепче! – крикнул Вьюн. – Нельзя терять ни минуты... Если понадобится, пусть идет и четвертый, если нет – остается внизу.

"Проклятая птица! Одним ударом вывела из строя четверых! Нас теперь только трое... А Лютый где-то здесь, и, скорее, он охотится на нас, а не мы на него!"

Вьюн усмехнулся и поежился: появился ветерок. Полоснул снежинками, как ножом, по замерзшей коже. Вьюн уводил их вправо, шли вплотную к выступающим из снега скалам. Следы остались незамеченными. Все внимание было сконцентрировано на подъеме. Через полчаса взойшли на гору. Поверхность ровная с поляной посередине. Вьюн сравнил ее с проплешиной на человеческой голове. Здесь и обнаружили следы.

–Вот они. – Дыхание Густава сбито от подъема... – Они были здесь!

–Ни звука! – прохрипел Вьюн, отлично понимая: если волк здесь, он уже читает их по движениям.

"Лютый-Лютый-Лютый!" Хлопанье крыльев слева глубже в лесу. Но ворон молчал. "Ты знаешь, когда кричать!"

–Следов много, они вчерашние, и волки... взрослые, – "читал" для партнеров Вьюн. – Свежих нет... а что внизу?

–Я внизу просматриваю обе стороны, – не заставил себя ждать с докладом Артур. – Ребята перевозят Люка, они справятся. Жду распоряжений...

Вьюн отметил, высвечивая фонарем место дневки волка под ветками ели: над самым обрывом – словно позиция для наблюдения за человеческим жилищем. И наблюдение существом разумным.

Поместье как на ладони: все подсобные строения, забор и дорожка вдоль него. Огромный дом, строительные нагромождения, виднелись деревья – видимо, сад. Внутри все утопало во мраке: света фонарей не хватало. Зато отчетливо виден Артур, слившийся с забором.

Егерь распределил бойцов по местам. Сам выбрал позиции метрах в десяти от места, где до этого находился волк. Получилась диагональ. Участники предупреждены о безмолвии и чувстве партнера. Дважды Вьюн сказал о направлении стрельбы. Сам прекрасно знал, что любой волк почует их присутствие. Из веток он сконструировал шалаш и уложил туда карабин, которому никогда не изменял. Хотя завод уже выпускал модифицированные модели.

"Это как жена, как брат, как друг, и заменить его – равносильно предать. Так что мы до самой смерти будем любить друг друга!" Карабин имел высокую точность и скорострельность. Его партнеры были вооружены помповым ружьем и вертикальным двустольным. Так что здесь он тоже впереди. Вьюн почувствовал запах кофе: кто-то из парней пил бодрящий напиток, разгоняя аромат по лесу.

"Во дают!" – Сам позволил себе сделать несколько разогревающих кровь глотков из фляжки. Курить не стал – было бы уже слишком. Сорвав несколько иголок с елки, разжевав их, наслаждался привычным послевкусием.

Вьюн не знал, что ожидать от вылазки, но меньше всего хотел пристрелить Лютого. Другого волка – да! Но даже беглый осмотр показал, что зверь был один. Если бы стая, то помогли бы только радикальные меры. Он не хотел, чтобы жители, которых и так немного, дрожали как осиновые листья.

"Лютого придется пугнуть. Хотя он не из пугливых – как сцепился с косолапым! Почуять нас и уйти – вот лучший исход встречи...»

Последняя мысль терялась в наваливающейся сладкой дремоте, которая подхватила Вьюна и, дрожащего от храпа, им издаваемым, потащила по снегу на детских санях, с карабином, выставленным вперед, как дуло танка... Он набирал скорость, вот справа обошел кто-то без опознавательных знаков... Ах да, рыжая борода. Это Густав. Вдруг кто-то налетел на него сбоку – тоже на санях...

Егерь проснулся. Он озирался, держа наготове карабин. Вьюга хлестала резкими порывами ветра, сбивая шапки снега с веток деревьев, снежную пыль с земли. На часах – без четверти двенадцать.

"Что за чертовщина?"

Егерь вглядывался сквозь миллион снежинок, создающих непроглядную стену. Молочная пелена. Вьюга подвывала сильней, словно пела песнь.

"Как там Густав с парнем? Должны быть на месте и наблюдать... Хотя что тут увидишь?"

Сквозь вой непогоды он слышал карканье.

"Да нет! В такую погоду самолет сдует, не то что ворону!" Выбираться из укрытия не было смысла: здесь хоть как-то защищен. "Переждем, волк тоже сидит в укрытии!" Пара изрядных глотков из фляжки. Карканье ворона раздалось рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.